

Борис Ганкин

ДОЖДИНКИ В ЛАДОНИ

ИЗБРАННОЕ

г.МИНСК

1990

* *

Вглядеться снова в прожитые годы,
вновь воскресить их --
драгоценный дар.
Не убегают годы, словно воды,--
они живут,
как скрытый в углях жар:
подует ветерок воспоминаний,
и вспыхнет вновь живительный огонь,
и дни текут
от первых,
самых давних,
и падают дождинками
в ладонь.

*1. Как же молод
седой этот мир !*

А П Р Е Л Ь

На рыжей крыше я любил
Подолгу загорать в апреле,
Я с первых дней весны копил
В груди весеннее веселье.

Внизу гудел машинный век:
Троллейбусы, такси, трамваи...
А голуби стремились вверх,
До самых облаков взмывая.

Казалось, за спиной вот-вот
Упругие возникнут крылья
И понесут меня вперед,
Вслед голубиной эскадрилье.

Быстрее молнии-стрелы
Промчусь над крышами и парком
И стану спутником Земли,
Веселым ветром, солнцем ярким.

И песней одарю сосну,
И светом -- каменные соты...
Я с детских лет люблю весну
За ощущение полета.

СЧАСТЬЕ

Я проснулся.
Мама мыла рамы.
И такое небо за окном,
словно и его отмыла мама
ранним утром
вместе со стеклом.
И тогда я притворился спящим,
незаметно наблюдая, как
становился чудом настоящим
день весенний
в маминых руках:
вот капель негромко зазвенела,
вот скользнул несмело первый луч,
и повсюду --
ни метели белой,
ни мороза,
ни холодных туч.
Сколько выюг над нами пролетало!

...Солнечные зайчики кругом.
Мама,
ты совсем седею стала,
но весну опять приводишь в дом.
Словно паутинка -- белый локон.
Первый луч -- серебрянная нить.
Счастье -- видеть:
мама моет окна,
тихо,
чтоб внучат не разбудить.

МАЛИНОВОЕ ЛЕТО

Малиновый закат.
Бидон с лесной малиной.
Малиновый берет
на голове у сына.
Малиново вдали
окошки догорали.
Домой мы тихо шли:
за долгий день устали.
Малиново стога
светились в отдаленье,
и были облака --
как пенка на варенье.
И сладко спал мой сын
до самого рассвета.
Баюкало его
малиновое лето.

* *

Я усвоил от самой зыбки:
в этом мире,
огромном, зыбком,
постоянства совсем немного.
Мною пройденная дорога,
словно карты,
вмиг тасовала
зло -- с добром,
а конец -- с началом.
То, что днем мне казалось прочным,
разлеталось на щепки ночью.
То что ночью вечным казалось,
днем в минутную боль обращалось.
Но всегда оставалось счастьем
человеческое участие.

* *

Сено сохнет -- будто седеет.
Луг,
с утра седой от росы,
после звонкой песни косы
к полдню знойному побелеет.
А нескошенный -- зелен!
В теньке,
на высокой траве зеленой,
я на час засну, утомленный,
две ромашки зажав в кулаке.
Мне приснятся роса и трава.
А проснусь после сладкого сна я --
и закружится,
как хмельная,
вся седая моя голова...
Ясный полдень -- как праздничный пир,
карнавал в честь веселого лета.
Переполненный солнечным светом,
как же молод
седой этот мир!

* *

Гречиха зацвела.
Как будто на холме
расстелена веселая косынка,
а наверху плеснуло лето синькой --
по ней-то солнце катится ко мне!
Я замер.
Я поверил: миг еще --
и солнца шар я придержу рукою,
повешу, словно лампу, над рекою --
пусть повисит над ней, розовощек!
Но где там?!
Шар уже холма коснулся,
чуть полежал
и полусферой стал,
последний луч издалека послал --
и все!
Весь мир вдруг в сумрак окунулся.
Но сразу, словно искры, над холмом
взлетели звезды.
Стало очень тихо.
Едва светилась в темноте гречиха.
И было что-то неземное в том.
Мне стало неожиданно легко.
ушла усталость.
здравствуй, звездный вечер!
Раскинься над полями,
лесом,
гречкой,
отбрось мои заботы далеко,
позволь забыть на миг мои дела...
Как пахнет медом,
мятой,
сыродоем!

...И вдруг:
" Кто я такой?
Чего я стою
в том мире,
где гречиха зацвела?"

Я Н Т А Р Ь

Вот он и блеснул передо мной --
мягкий свет времен,
давно прошедших,
как улыбка незнакомых женщин,
солнце,
возвращенное волной.

У веков оглохших украдем
это чудо скромное навечно:
пусть оно
нам лунно светит днем,
солнечно --
когда наступит вечер.

Потекут века...
И в свой черед
наше солнце в камень превратится.
Будет он на берегу светиться.
А однажды девушка придет --

и янтарь отыщет на песках...
Тот же свет в ее глазах зажжется,
что сейчас веков прошедших солнце
разожгло
в твоих больших глазах!

ВОПРОСЫ

Где подглядел мороз узоры эти?
Где научился пенью зимний ветер?
Откуда на серебрянном окне
к утру чеканка тонкая берется?
Откуда бело-розовое солнце
в январский полдень
катится ко мне?

Прожив немало зим на белом свете,
я так и не решил загадки эти.
Точней,
ответов не хотел искать:
живет в загадке ощущение чуда,
недосягаемых высот,
откуда
не все на землю нужно опускать.

КОНЦЕРТ КОЛОКОЛОВ В КАУНАСЕ

Тяжелый снег бесшумно падал вниз,
слегка скрипел под нашими ногами...

Вдруг в темной туче,
в сумерках над нами
тоскующие звуки родились.
Глубоким звоном наполняя нас,
напев Сольвейг колокола запели.
Казалось,
вырываясь из метели,
издалека сюда весна неслась,
сбивала снег с домов и мостовой,
в озябший мир
несла тепло и солнце,
просила верить,
что она вернется,
звенела тихой песней ключевой.

Я пил весну!
Она в меня вошла,
она мне в январе апрель вернула.
И пустыки,
что вновь метель задула,
когда умолкли вдруг колокола.
Стал мир теплей,
поднялись тучи выше.
Какой кудесник это сделать смог?!

...Из узкой дверцы, зябко ежась, вышел
худой и невысокий паренек.

* *

Извечная смена сезонов:
от завязи -- к спелым плодам,
от майских блужданий бессонных --
к ноябрьским раздумьям-мечтам.

Извечная смена окраски:
от зелени первых минут --
к тем дням,
когда в желтом и красном
деревья стоят там и тут.

Таинственным было начало.
И вдруг наступила пора:
ясней и понятнее стало,
что было неясным с утра.

Рад ясности этой безмерно!
Но тянется сердце сильнее
к мгновениям завязи первой,
к весенней надежде своей.

* *

Еще без перьев,
голый и дрожащий,
птенец,--
подобье птицы настоящей.
Он станет птицей!
скоро он взлетит,
разрежет воздух быстрыми крылами
и, торжествуя,
запоет над нами,
восславит
небо, солнце и зенит.

Еще несмелый,
смотрит в небо мальчик:
там катится луна --
веселый мячик.
И, оставляя серебристый след,
сгорают над землей метеориты...
Настанет день --
и соколом взлетит он!
И, может,
будет им тогда открыта
одна из неизвестных нам планет.

У КОЛОДЦА

В колодце -- чистая вода,
совсем такая же, как в детстве,
когда я приходил сюда
в колодец этот поглядеться
и, ощущая тайный страх,
смотрел,
как, в сумерках играя,
светилось небо в облаках --
и видел сам себя у края...
Там, подо мною, облака
лежали тихо,
недвижимо.

Кружилась голова слегка
от глубины непостижимой.
Наверно, так парашютист
глядит из люка самолета.
И сердце обрывалось вниз,
как от паденья,
от полета.

Домой я убегал тогда,
и сердце бешено стучало...

А нынче прихожу сюда,
как будто к своему началу.

* *

Шевеля прошлогодние листья,
прорастает неслышно трава.
Дождь окончился.
Влажный и чистый,
лес весенние шепчет слова.
Я по тропкам шагаю без усталости,
прикасаюсь руками к стволам.
Вспоминаю:
юнцами безусыми
мы бродили по этим местам.
Тонкоствольная рожица мокрая
теплый душ нам дарила весной,
а под осень веселую охрою
полыхала она надо мной.
Как доверчивы веточки тонкие!
Ничего не меняется, нет.
Так же в каплях
на радуги звонкие
рассыпается солнечный свет.
То же слово
и та же мелодия,
животворная та чистота...
И открыта, как в детстве,
бездонная
опьяняющая высота.

* *

И сам я в беззаботной юности
придумывал и создавал
несуществующие трудности:
ведь настоящих я не знал.

Писал о муках, мук не ведая,
по-книжному порой страдал.
А мир огромный, неизведанный
меня за дверью ожидал.

И вот пошел самостоятельно!
Шел, бездорожье не кляня,
и перед взором любознательным
раскрылась жизнь, как целина...

Штиль чередуется с ненастьем.
И день и ночь даются мне,
чтоб постигать, какое счастье
тропу торить по целине.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Говорят шутливо:

"День тяжелый!"

В жилах лень воскресная живет.

Но с утра бегут детишки в школу,

утром я иду на свой завод.

Понедельник -- это возвращенье

и начало нового пути,

первая ступенька восхожденья

ко всему,

что ждем мы впереди.

* *

Наступит день,
настанет час,
напишут сказку и про нас.
напишут:
"Жили-были,
дышали и любили..."
Так пишем мы о дедах,
так пишем мы о бабах.
Мы помним их победы,
а меньше -- те ухабы,
которых было много
на сказочных дорогах.
А надо было б помнить
и радости, и беды,
и то, как кости ломит
у сказочного деда.
Все написать, как было,
найти такие краски...
Но это будут -- были.
А внуки любят... сказки.

* *

Вот Рембрандт умирает бедняком,
вот перепахана могила Баха,
вот, заложив последнюю рубаху,
Саврасов тешит сердце кабаком.

Постыдные, крутые времена!
Противоречьями история богата:
так на ее скрижалях пишат златом
бессребренников гордых имена.

* *

И камнем стать не страшно,
если он
положен в основанье маяка,
в фундамент мельницы,
которая крылом
цепляет дождевые облака.
Не страшно камнем быть:
ведь в зимний час
стеной он стал, защитой от пурги,
от всяких любопытствующих глаз,
что искоса глядят из под руки.
Из камня можно города сложить,
в которых людям будет звонко петься...
Не страшно камнем стать.
Но страшно жить,
когда в груди окаменело сердце.

* *

А годы похожи на горы:
крутые подъемы -- и вот
стоишь на вершине, которой
название:
"Прожитый год".

Оглянешься -- видишь ту тропку,
что в скалах пробита тобой,
где был ты
и смелым и робким,
и нежным,
и грубым порой.

Посмотришь вперед -- за туманом
почувствуешь новый подъем.
И снова тебе неустанно
шагать и шагать
день за днем,
пока...
Надо ль думать об этом?
Стучало бы сердце в груди!
И новых вершин силуэты
встают, как мечты впереди.

ОГНИ АЭРОДРОМА

Огни аэродрома --
желанные огни.
Для нас дорогу к дому
означили они,
зелеными и красными
дорожками легли
и показались ясными
сигналами Земли:
"Внимание, внимание!
Блуждающим во мгле:
вас в это утро раннее
встречают на Земле!"
Встречают!
Это здорово!
Крылатым или нет --
всегда ты очень дорог нам,
Земли домашний свет.
И лучшего мгновения
не может в жизни быть:
земли прикосновение
всем сердцем ощутить.

БЕССМЕРТИЕ

*В Эстонии, когда умирают
поэты, в витрины книжных
магазинов кладут сборники
умерших, а над ними не-
сколько дней горят свечи.*

Возможно, это так и надо:
Когда закрыл глаза поэт,
Взамен тепла живого взгляда
Зажечь такой тревожный свет.
Возможно, это так и надо,--
Чтоб воск неслышно оплывал,
Чтоб кто-то становился рядом
И книги при свечах листал...
Бессмертья не найти в природе --
И люди смертны, и дома.
Но сохраняются в народе
Находки сердца и ума.
Угаснет свет свечи оплившей,--
Мир не исчезнет в тусклой мгле:
Немало будущих и бывших
Живет поэтов на земле.
И люди расправляют плечи,
Сверкает солнце в небесах,
И строки светятся, как свечи,
В живых, читающих глазах.

НЕ ОБРАЩУ ВО ЗЛО

Не обращу во зло
ни слово, ни дела --
пусть никогда они
не ранят чьи-то души,
не станут сердцу ледящим душем
иль суховейной горечью тепла.

Не обращу во зло
ни силу рук моих,
ни гибкость мысли,
ни бокал искристый --
пусть станут дни мои
потокоч чистым,
пусть чью-то жажду
утолит мой стих!

* *

Есть удивительное чувство
прикосновения к искусству,
когда по нескольку часов
стоишь у маленькой картины
и отворяешь тот засов,
и ту срываешь паутину,
что закрывали много лет
высоких истин
мудрый свет.

У ТРОИЦЫ "РУБЛЕВА"

Все беспокойное -- успокоится.
Все ненужное -- прочь уйдет.

...Скромное золото рублевской "Троицы"
свет спокойный и теплый льет.
Золото крыльев.
Одежды синие.
Грустно склоненные три лица.
Песенно-плавные, триединые,
как мы едины во всем до конца.
Опережая сомнения наши,
чем-то Рублев освятил лица те,
что,
 безразличные к жертвенной чаше,
не безразличны мы к их красоте.
То суетливые,
то бестолковые --
кто же всегда в этой жизни толков? --
смотрим в глаза мы темновишневые,
ищем себя в них
и мудрость веков...

* *

Старайтесь по мере таланта
быть в собственной жизни Творцом,
не клавишей быть -- музыкантом,
не мямлей -- а страстным борцом!

В минуту ненастную
веры
попробуйте не растерять.
Пусть солнце вам служит примером,
научит сквозь тучи сиять.

* *

Со дна своих печалей и трагедий
порой поднятсЯ к голубым созвездьям,
окинуть взглядом мир,
постичь свой век,
почувствовать далекие орбиты
и быть потом за дерзость крепко битым --
лишь очень сильный может человек.

Такие люди были, есть и будут.
Забудут их потом иль не забудут --
оставят нам, постигнув высоту,
сады Семирамиды,
пирамиды,
и чудо мавзолея Самонидов,
и красных стен кремлевских красоту.

Полет их мыслей нас летать заставит,
со словом нас наедине оставит,
под давние напевы понесет
и нас
наверх, со дна своих печалей
к созвездьям,
в неисхоженные дали,
под страстный зов одной мечты --
вперед!

* *

Во мне сплелись --
и неразрывно слиты
в причудливую музыку
навек
настой сосновый,
шум полей открытых,
завод и небо,
сад и человек.

Во мне соприкоснулись
радость с грустью,
с находками потери,
с ночью свет...

Все на земле,
к чему ни прикоснусь я,
мне песней отзывается в ответ

ПАВЛИННИЙ УСПЕХ

Павлина жизненный успех:
хвостом он вышел лучше всех.
А что короткий ум притом --
в том разберутся лишь потом,
да и кому в том разбираться?
Его подруги красота --
опять же радуга хвоста.
Есть перед кем покрасоваться!
И человек к тому же прост:
павлина кормит он ... за хвост,
хоть морщится,
когда однажды
блажь в птичью голову придет,
и птица хрипло запоеет,
в саду прогуливаясь важно.
Вот ворон -- тот умен.
Но кто
накормит ворона за то?
А соловей?
Поет так славно!
Но как он кормится притом?
Нет, лучше обладать хвостом!
Вот вывод...
для павлина -- главный.

* *

Как скромны наши матери:

тихо и просто,

незаметные,

сделали все, что могли.

Как щедры:

подарили и солнце, и звезды,

многоцветье

огромной прекрасной земли.

Как светлы наши матери:

сами сгорают,

чтобы светом любви путь для нас освещать.

Как добры наши матери:

все нам прощают,

даже то, что не надо, наверно, прощать...

* *

Какой бы ни была
конкретной жизни повесть,
есть мера ей одна --
была ли чистой совесть?
И меры не найдет
иной никто,
поскольку
стоит людской наш род
на совести и только!

* *

Снег мой близок,
слишком близок.
Небосвод порой мне низок.
Но упрямо вверх иду,
и снега одолеваю,
в небо плечи упираю
и его приподнимаю --
выше, выше! --
на ходу.

* *

Все мимолетно:

дни и ночи,
шум капель,
свежесть ветерка,
прощанья, встречи...
Только очень
хотел бы взять на все века
всего лишь луч созвездий дальних,
всего лишь милой любый взгляд,
всего лишь слово в час прощальный --
на многие века подряд!...

* *

К земле годами чуть прижаты,
став осторожней и умней,
перебираем жизни даты
и к ней относимся нежней.

С годами чувствуем все тоньше
живую красоту земли,
хоть тянет нас к земле все больше
груз тех дорог, что мы прошли...

* *

И в белых, и в розовых пышных цветах
девчонка-весна мне являлась.
Мелькала потом в моих радостных снах,
а вот наяву не встречалась.

Держа васильки голубые в руке,
шла девушка-лето лугами,
и вскоре исчезла она вдалеке,
чтоб осенью сниться ночами.

Неужто и женщина-осень пройдет
с букетами листьев опавших,
чтоб сниться зимою всю ночь напролет
под песенки вьюг загулявших?

* *

Что будет впереди?
Какие дали,
какие тени поджидают там?
Куда так тороплюсь я по годам,
захвачен жизнью и смущен едва ли
тем, как летит стремительно она?
Что будет впереди?...

Одно лишь ясно:
что было раньше -- было так прекрасно,
что я уж сед,
а жизнь -- всегда весна.

* *

Перепачканные песком,
долго строили дети дом.
Возводили любовно стены,
ветки в крыше -- телеантенны,
и окошки в стенах пробили,
чтобы в доме светлее было.
А потом, убегая домой,
кто-то дом развалил ногой...
Дети, дети, как глупо это:
строить дом для тепла и света
целый день -- а потом разрушить!
Впрочем,
чем мы, взрослые, лучше?

* *

Так много звеньев потерялось
на протяжении пути,
что на мгновенье показалось:
спасенья больше не найти.
Но мудрецы всегда найдутся,
пророки слово обретут,
и люди поумнев берутся
за созиданье -- тяжкий труд.
И вознесут дома,
и пищей
насытят, наконец, детей,
и дети сытые отыщут
для развлечения сто затей,
и вдруг разлентяются --
и снова
начнут сокровища терять...
О боже, как мы бестолковы! --
ведь внуки голодны опять.

* *

Свойство юных --
 беспечно купаться
в животворной реке наслажденья,
знать не зная,
 что в клятвах таятся
горьковатые зерна забвенья...

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Уж осень показалась во дворе...
Пришла пора в делах не мелочиться,
не придавать значенье мишуре
и к ложной позолоте не стремиться.
Подумать о душе.
Ей подарить
веселый праздник
радостного дела.
Не суесловить.
Искренне любить.
Не лгать себе ни в чем.

...Пора приспела.

* *

И в тридцатых,
и в семидесятых
первые удары -- по умам
умные опасно виноваты --
нет от них покоя дуракам.

* *

Истории такой
 трагично беспощадной
нигде на свете нет!
Несчастливая страна:
и скольких ей высот еще достигнуть надо,
и со скольких вершин уже сошла она!
Но ухитрилась дать высокие примеры
духовных совершенств
благополучным всем,
и, бедная, она осталась полной веры,
и, битая, она прекрасна, между тем.
Так сколько можно гнать не по тропе удобной --
по кручам ледяным,
 по остриям камней,
и сколько можно так вот честолюбцам злобным
насиловать ее
 и властвовать над ней?

* *

Человек, которого он предал,
гнил в далеком лагере давно.
Он же спал спокойно и обедал,
отрыгнув, с женой ходил в кино.

И жена, и дети Человека
растворились в ссылке на года.
А ему казалось, что навеки
будет так. И для других -- беда.

Но закон один у стаи волчьей:
сильный глотку слабому дерет.
И за ним пришли однажды ночью,
тот же черный ворон -- у ворот.

И в последний миг, у той же стенки
как же выл и как же плакал он,
как дрожали слабые коленки!

...Страшный ход тех сталинских времен.
Строились цепочкой друг за другом
под присмотром своры палачей.
И была свободной только вьюга --
вольный гений лагерных ночей.

**ЧИТАЯ "РЕКВИЕМ"
АХМАТОВОЙ**

Трусливый раб, себя я ненавижу
за робость бесконечную во всем!
Во тьме ночной за ледяным окном
Ахматову среди снегов я вижу.

Ее глаза полузакрыты. Но
их свет расплавит, кажется, окно --
и в тот же миг все вихри мира разом
ворвутся в мою душу, чтобы раб
во мне исчез,
 чтоб стал могучим разум,
который долго был от страха слаб.

Воспрянь, мой ум!
 Душа, откройся воле!
Необходима чистка всем и вся.
Когда клещем страх в каждого впился --
Стал каждый тихим страхом очень болен.

Гляжу в окно.
 А там, где снег метет,
Выздоровленье медленно идет.

" П А М Я Т Ь "

1.

У окраины деревни
грустный иудей Христос
к черной древесине древней
тяжкого креста прирос.
От него, перекрестившись,
шли бывало со дворов
мужики, с утра напившись,
местечковых бить жидов.
Думалось, ушло...
Но нынче
"Память" вороном кричит
и опять к погромам кличет,
а Христос опять молчит.
Что за странная идея:
воронье к себе скликать,
поклоняться иудею,
иудеев бить и гнать.

2.

Жил спокойно и светло,
землю почитал своею,
и всегда мне только с нею
было вольно и тепло.
Только "Память" -- мордой в грязь,
и трудней мне с каждым годом,
и проклятьем над народом
ненависть опять взвилась.
Вновь за что-то день и ночь
шлют мне вслед одни проклятья.
Я твержу:
" Все люди -- братья!...",
а меня толкают прочь.
И с печалью я гляжу
на людей перерожденье,
и любовь, как всепрощенье,
в сердце раненном держу...

ИДЕАЛИСТЫ И СЛЕДОВАТЕЛЬ ХВАТ

Идеализм -- порок интеллигентов.
Они всегда витают в облаках,
а в жесткие истории моменты --
хрустят у Хватов всяческих в руках.

Идеалисты жаждут мир наполнить
добром.
Но Хваты -- начеку пока
и тут как тут, лишь миг придет напомнить
идеалистам силу кулака.

В руках у Хватов плакали Вавилов,
Чаянов, Меерхольд и Мандельштам,
а клеветы отточенные вилы
вонзались в человечество, как в хлам.

Но чуть отпустит, потеплеет снова
интеллигенты верят в идеал,
хоть новый Хват,
прислушиваясь к слову,
в углу укромном
вилы приподнял.

* *

С храма, вознесенного во имя,
сняли крест.
Храм обратили в склад.
Дефициты делят со своими
те, чьи боги -- воровство и блат.
И взамен церковных песнопений
алилуйю здесь деньгам поют...

В облаков голубоватой пене
бог-отец, бог-сын нашли приют.
Смотрят вниз на голубую землю,
на круги холодных куполов,
беззащитным людям молча внемля:
кто же защитит их от воров?

БОЛИ

Остатки прежних болей
всегда живут во мне,
их более, чем боле,
приходит в тишине.
Со всеми я сроднился:
вот эта боль -- из дней,
когда еще учился
лишь азбуке болей,
а эта -- от паденья,
а та -- от темноты,
вот боль -- от пробужденья,
вот боль от суеты...
Пол-века набирались
в душе и в теле.
Вот
заныли, заметались
и взяли в оборот.
Но говорят, остались
главнейшие из них
на сумерки,
на старость,
на вечер дней моих...

СОРОК ПЯТЬ

Горький возраст,
когда матерей и отцов мы теряем
и, никем не прикрыты,
на первом стоим рубеже.

Грустный возраст,
когда в молодых неудачно играем,
постигая с трудом,
что не молоды все мы уже.

Гордый возраст,
когда и уменье и знанье находим,
и любая работа
подвластна рукам и уму.

Мудрый возраст,
когда сыновей на дорогу выводим,
и уже разобраться успели,
зачем мы живем и к чему.

* *

Я знаю, какие сверхсилы
нужны, чтобы мне устоять
у края отцовской могилы --
и в бездну ее не упасть.
Я знаю, какие сверхболи
мне надобно перенести,
чтоб вырваться снова на волю
и сердце для жизни спасти.
Я знаю, какие сверхмуки
мне надо сейчас одолеть,
чтоб вырвать упавшие руки --
тисками зажала их смерть.
Стою над отцовской труною --
спокойно родное лицо,
и катится вдаль надо мною
осеннего солнца кольцо...

* *

Говорю, как говорили в старину:

" Папа высоко теперь вознесся..."

А покоя нет...

Увы, не просинь

неба вижу --

вижу глубину

черной ямы.

Вижу -- а твержу:

" Папа высоко теперь вознесся..."

Словно сердце утешенья просит,

и его во лжи я нахожу.

Шелестит у кладбища лесок,

слышу говорок берез и сосен.

" Папа высоко теперь вознесся..."

Но течет передо мной песок...

* *

В нашем хоре
не солистом
был отец мой --
был хористом.
Но за долгие года
не сфальшивил никогда.
Песню жизни спел он чисто,
что не каждому солисту,
к сожалению, дано,
как известно всем давно...

КАМЕННЫЕ БАБЫ

Каменные бабы
в каменных степях,
солнцем раскаленные
яростным и жгучим,
с неземной тоскою
в каменных глазах,
с вековою ношей
на плечах могучих.
Каменные бабы.
Вздуты животы.
Каменные лица
в оспинах глубоких.
Словно степь, загадочны,
словно степь, просты,
как степные камни, очень одиноки.
Каменные бабы.
Но однажды нас
здесь гроза застала.
Бился свет над нами.
Я увидел:
слезы из незрячих глаз
потекли внезапно
теплыми ручьями.
А когда с ворчаньем
вдаль ушла гроза,
разбросав зарницы
щедрою рукою,
ей смотрели вслед
счастливые глаза:
так вот смотрят женщины,
вспомнив дорогое...

* *

Пустыня,
ты была когда-то морем.
Бегут барханы -- за волной волна.
Скажи,
каким иссушена ты горем,
какой печалью даль твоя полна?
Иду -- и почва вздрагивает зыбко.
Вокруг полно тревоги и тоски,
и лучик солнца -- золотая рыбка --
ныряет на ночь в черные пески.

РЕШЕТКИ ЛЕНИНГРАДА

Обратить металл не против музыки --
в музыку! --
большое волшебство.
Лепестки чеканные и узкие --
вот оно,
нежданное родство.
Изогнулись шеи лебединые,
свит живой орнамент из колец.
Отковали кузнецы старинные
музыку
из собственных сердец.
Представляю их работу адскую:
тяжкий молот
грудь и плечи рвет.
Хрип мехов -- не песня залихватская.
А решетка --
вслушайся! --
поет.
Затекает пот соленый в бороды...

Снег ли сыплет,
дождь ли моросит,
не смолкая,
над великим городом
музыка раскованно звучит.

У "ПОРТРЕТА МАЛЬЧИКА"

Я знаю:

этот мальчик стал мужчиной,
состарился и умер в свой черед...
Но детские глаза глядят с картины:
в них озорство веселое живет.
А на макушке -- хохолок упрямый,
и воротник крахмальный чуть измят,
хоть сына прихорашивала мама
перед сеансом два часа подряд.
Что мальчику и живопись и вечность?!
Ему бы поскорей сбежать к друзьям!
А в мастерской потрескивают свечи,
и тени притаились по углам.
Неторопливо трудится маэстро.
Мальчишка в кресле ерзает слегка...
А краски, как друзья, собрались вместе --
и будут с нами говорить века.
Глядит живой мальчишка...

У портрета

стою и улыбаюсь целый час,
оттаявший,
 счастливый,
 обогретый
лукавым, шаловливым светом глаз.

СЕМЕЙНЫЕ АЛЬБОМЫ

Листаю
страницы семейных альбомов,
где каждое фото -- как зыбкое эхо,
где даже с собою
порой незнаком я,
где отблески солнца да искорки смеха.
Неужто я --
этот испуганный мальчик?
А мама -- в расклешенном платье девчонка?
И прыгает взгляд,
как резиновый мячик,
по плитам годов
и безмолвных,
и звонких...
И я.
И не я.
Диалектика -- вот она!
И завтрашний "я"
не похож на вчерашнего.
Семейный альбом...
Все, что было, что пройдено.
Он -- зеркало прошлого и настоящего.
Наполненный светом,
наполненный радостью,
порой омраченный
ударами гроз...
В нем встречи и проводы,
горе и радости,
извечная смена
улыбок и слез.
Быстрее и напористей
жизни течение.
Пусть ветер порою
сорвет паруса,
но юные входят в альбом поколения --
семейных альбомов любовь и краса.

* *

Так просто,
так спокойно уходит человек:
он пересек дорогу,
нырнул за поворот...
Быть может он вернется.
А может быть, навек
исчез за поворотом --
и больше не придет.

Остановить, окликнуть
и усадить за стол,
поговорить о прошлом
и в завтра заглянуть!
Но -- что тут станешь делать? --
ведь он уже ушел...
Да и меня куда-то
торопит новый путь.

* *

Стеклом увеличительным
я обзавелся.
Вдруг
мне стало удивительно понятно все вокруг.
Все тонкости -- до малости! --
сумел я разглядеть:
где все -- всерьез,
где -- шалости,
где -- золото,
где -- медь.
Все сделалось значительным.
Но это лишь обман:
в стекле увеличительном
и лужа -- океан.
В стекле увеличительном
и мухи -- что слоны.
Все стало непростительно
большой величины.
Опасное оружие --
волшебное стекло.
Все мелкое, ненужное
оно раздуть смогло.
...Я то стекло безжалостно
о камень раскрошил:
хочу дожить до старости
так, как всегда я жил.
Что сбудется -- то сбудется,
рассудят все года:
все мелкое -- забудется,
большое -- никогда.

ВСТРЕЧА

Лось вышел из кустов.
В пяти шагах
остановился,
нас не замечая,
диск солнца заходящего качая
на черных запрокинутых рогах.
Высокий, горбоносый -- он застыл,
огромных глаз не отводя от солнца,
как будто в странном идолопоклонстве
лось все на свете навсегда забыл.
О чем он думал в этот тихий час,
и почему следил он так печально
за уходящим солнцем?
Эта тайна
так и осталась тайною для нас.
Когда же догорел закат вдали,
лось тяжело вздохнул.
И неторопко
ушел от нас своей лосиной тропкой.
А мы своей дорогою пошли.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Проснувшись, слышу, как скребет
под окнами лопата дворника,
и, словно луч окно затворника,
вдруг осенило: "Снег идет!"

Вскочил -- и бросился к окну.
и в самом деле снег на улице,
и окна близоруко щурятся
в его густую пелену.

Скорей на улицу, пока
машины и лопаты быстрые
не разогнали эти чистые,
нетронутые облака,

чтоб, начисто забыв слова,
стоять у тоненького деревца,
смотреть, как в тонкой дымке светится
еще зеленая листва.

* *

Антоновка к зиме совсем дospelа.
В ней летний сок и летний аромат.
На белом фоне яростной метели
меж рам янтарно яблоки горят.

Гляжу на них --
и вспоминаю август,
сады над речкой, яблоко луны,
на берегу немые валуны
и наших встреч таинственную сладость.

* *

Кувыркнушь через голову в снег,
засмеюсь от прохлады пушистой,
на сугробе, нетронуту чистом,
напишу:

" Счастлив будь, человек!"

И пока все метель заметет,
пробегая, случайный прохожий
засмеется и станет моложе,
если надпись мою он прочтет.

* *

Запас отпущенных мне весен
с годами все бедней.
Но стали крепче ветви сосен
над головой моей,

понятнее движенье сока
и ветра шум,
и глубже сделались истоки
заветных дум.

Беру у жизни очень много.
Но, может быть,
смогу и я свою дорогу
ей подарить.

Не ветром прошумлю над рощей
я поутру.
Надеюсь, что оставлю больше,
чем заберу.

* *

Мы все не вечны на земле,
хоть трудно примириться
с необходимостью во мгле
однажды раствориться.
Но мир -- наш дом -- не упадет,
но мир не опустеет,
и солнце над землей взойдет,
и всех живых согреет.
Мир -- наш двойник.
Бессмертен он.
И вечны на планете
роса и снег,
цветы и лен,
и старики,
и дети.
Вот почему хочу я, чтоб
мой труд был нужен людям.
И после нас --
о, не потоп --
пусть счастье в мире будет!

2. Акварели

АКВАРЕЛИ

Акварели мои -- краски ночи и дня.
Рано утром, когда еще дремлют леса,
поднимается солнце и будит меня,
и тогда начинаются все чудеса:

ненасытно гляжу на румянец зари,
изумрудные травы в росинках-алмазах.
Летней ночью положенный ультрамарин
на мольберте небес перекрасится сразу.

Акварели мои -- краски ночи и дня.
Проплывают над берегом синие тучи,
и прозрачна вода до песчанного дна,
и березы вбегают на белые кручи.

Все знакомо давно.
А привыкнуть нельзя.
И поэтому счастлив я каждое утро:
я живу на земле, что ласкает глаза
и расцвечена щедро, умело и мудро.

* *

Занятый работой,
суеюй,
вечными семейными делами,
вдруг с какой-то горькой остротой
ощутил:
как мало был я с вами,
синие еловые леса,
хохотун-ручей,
ночные звезды!
Надо слушать мне, пока не поздно,
ваши песни,
ваши голоса.
Ведь потом, в грядущие века,
никогда я не увижу больше,
как над лесом ветерок полощет
в чистом синем небе
облака...

КРАЙ ХВОЙНОЙ КРАСОТЫ

Мне сладок воздух твой, сосновый бор!
С тобою дружен я с тех давних пор,
когда, еще мальчишкой остроглазым --
с друзьями, а порою и один
я на вершины, словно белка, лазил
и видел сверху
тысячи картин:
за лесом -- поле,
за полями -- город,
за городом -- далекие леса.
И не смолкали дотемна над бором
и радовали птичьи голоса.
Я видел: солнце скатывалось в чашу,
а утром первый я его встречал.
Ты был мне другом,
верным, настоящим,
и я тебе любовью отвечал.
И до сих пор с тобой дружны мы очень.
И сыновей я привожу сюда:
пусть дни твои и голубые ночи
они, как я, полюбят навсегда.
Пусить над землею посидят, как птицы,
пусть даль земли увидят с высоты,
пусть в городе им ночью тоже снится
сосновый бор -- край хвойной красоты.

* *

Уселся март, как грач,
на ветке тонкой.
Над лесом -- электрички голос звонкий:
уехать в город нас зовет она.
И надо бы до темноты вернуться,
но как уехать,
если здесь -- весна
и можно к ней щекою прикоснуться?

* *

Шагай от электрички вправо --
и приведет тропа туда,
где в изумрудную оправу
алмазом вставлена вода.

Переливаясь чистым светом,
шуршит озерная волна,
такую радостью полна,
что ты почувствуешь себя
огнями щедро обогретым.

Лес замороженно молчит:
игра волны -- гипноз великий.
Роня солнечные блики,
к тебе здесь счастье подбежит,

и вновь вернется чувство то
веселья,

 юности,
 свободы.

И с плеч все прожитые годы
слетят,
как зимнее пальто.

З В О Н

Взбухает лед,
ломается со звоном,
кружась, несется по теченью вниз.
И воздух, полный синего озона,
над берегами куполом повис.

Оттаявшие сонные осины
стоят немой толпой на берегу...
Дышу -- и надышаться не могу,
гляжу -- и наглядеться я не в силах.

Просмоленные днища плоскодонок
чернеют, призывая в первый рейс.
А мир вокруг наполнен синим звоном,
как будто бьет весна в сигнальный рельс.

* *

Мечутся реки -- в ущельях им тесно:
камни их давят,
скалы их жмут.
Реки бунтуют,
гневные песни
без передышки надрывно поют.

Только у моря,
попав на равнину,
словно бы разом стареет вода:
тихо грустит -- ведь родную теснину
ей не увидеть уже никогда.

... Так же и я тосковал и метался,
не понимая, чего я хотел.
Сразу за тысячи дел принимался,
тут же бросая тысячи дел.

Но отыскалось --
время приспело! --
дело, которое дорого мне.
К этому делу душа прикипела.
Страстно работаю.
Но в тишине
я вспоминаю с любовью метанья,
споры, бессонницы и синяки,
чувствуя в сердце и грусть, и молчанье
к синему морю пришедшей реки...

* *

Когда цветут и вишни и черешни,
когда восходит майская луна --
вновь весел я,
 счастливый юный грешник,
хоть голову венчает седина.
Хмельные соки в сердце ударяют,
и поцелуи прежние опять
во мне поют, бунтуют и играют,
и гонят в ночь,
и не дают мне спать.
Ищу я глаз таинственную просинь,
в которой в годы прежние тонул.
И что мне годы,
что зима и осень,
когда мне май на миг мечты вернул!

* *

Когда поймешь,
как связь крепка,
как сцеплены с тобой
и очень древние века,
и близкий день любой;

когда из старых кирпичей
построишь новый дом --
тогда поймешь, и сам ты ЧЕЙ,
и ЧЬЯ земля кругом.

Строки причудливая вязь,
далеких лет прибой...
Пусть будет неразрывной связь
прошедшего с тобой!

Пусть будет прочной жизни нить,
чтоб каждый жизни час
с грядущим мог соединить
неразделимо нас!

* *

Зеленотканые луга,
леса зеленотканые.
Лежит дорога, далека.
Плывут над нею облака
и зори первозданные.

За неширокой синь-рекой
мне встретится нечаянно
тот удивительный покой,
густой живительный настой,
к которым долгою зимой
стремился я отчаянно.

И, повалившись на траву,
раскину руки в стороны,
сквозь зелень листьев в синеву
смотрю и думаю:
" Живу!
И как же это здорово!"

* *

Был такой обычай:
тяжелыми ставнями
на ночь окна хаты
крепко затворять.
И велась традиция
со времени давнего:
в ставнях по сердечку
насквозь прорезать.
Затворялись на ночь
от дурного глаза.
А сердечко в ставне
резали не зря:
зародившись, в хату,
проникала сразу
ручейком прозрачным
алая заря.
Рады ей сердечно --
оттого сердечко.
...Времена иные --
ставен больше нет.
И, когда приходит
потихоньку вечер,
окна льют навстречу
яркий теплый свет.
Так оно, конечно,
правильней и лучше.
Хорошо еще бы, что ни говори:
нараспашку -- окна,
нараспашку -- души,
каждому -- потоком! --
добрый свет зари.

* *

Все дорогое сохраняю в целости,
годам и капли не хочу отдать.
От счастья юности
до счастья зрелости
рукой подать, рукой подать...

Так от истоков и до устья самого
неразделима ни на миг река.
Неразделим и я.
Из часа малого
течет тропа моя, течет пока...

Порою -- ладная,
порой -- нескладная,
судьба моя -- мне с нею не пропасть!
К потоку времени устами жадными
спешу припасть,
спешу припасть...

И сам я глубже стал,
и, верно, лучше стал,
впитал и солнца свет,
и лунный свет.
Почем фунт лиха знал,
и путь на кручи знал,
такое счастье знал,
что лучше нет.

Но не насытился,
не успокоился,
круговороты дней влекут опять.
И недоступные,
как в детстве, полюсы
мешают спать,
мешают спать.

* *

Час предвечерний на краю села,
куда на время тишина зашла.
Косые тени,
 теплый луг,
 река,
прохладное дыханье ветерка,
усталость отработанного дня
и солнце --
рыба в неводе плетня.

* *

Желтых,
красных,
голубых --
сколько красок на мольбертах,
сколько песенок у ветра,
сколько капель дождевых!
Быстрой кистью в эти дни
осень создает картины:
пишет красные осины
и сиреневые пни.
Золотые клены пишет,
травы в росах -- серебре...
А потом устало дышит
до рассвета во дворе.

ГОРЬКУШКИ

Поближе к осенней поре
горькушки растут на горе.
Грибы те -- не первого сорта,
не всякий грибник их берет:
трудится придется до пота,
пока из них горечь уйдет.
Но вымочат,
прокипятят,
пять вод переменят подряд,
добавят укропа и перца,
засолят,
зальют маринад --
и вот -- похвала им от сердца! --
горькушки охотно едят...

...Поближе к осенней поре
ты часто встаешь на заре.
И бродишь по тихим опушкам,
по горкам сосновым -- везде
горькушки, горькушки, горькушки.
К дождям?
К листопаду?
К беде?
Поверь:
 не к беде, а к застолью,
богатому хлебом и солью,
к друзьям дорогим и подружкам
веселые сестры-горькушки
растут и растут на горе
поближе к осенней поре.
А осень еще не беда!
Прольется багряное солнце --
от горечи не остается
в полуденный час и следа.
Нам весело:
словно веснушки,
поближе к осенней поре
горькушки, горькушки, горькушки
рассыпаны в мох на горе.

О С Е Н Ь

Еще стволы -- в густом тумане,
и сонно жмурятся поляны,
и лес пронизан холодком.
но утро набирает силы,
и вот уж солнце заскользило
по лужам, тронутым ледком.

Я поднимаю лист кленовый
с травы --
и удивляюсь снова
рисунку инея на нем:
как будто ювелир искусный
собрал серебрянные бусы
и к меди припаял огнем.

А в бусах -- радуг переливы.
И тени прячутся пугливо.
Туман опал.
Совсем светло.
Бесшумно пролетают листья,
а на душе -- легко, и чисто,
и по-весеннему тепло.

* *

Вот снова осень за окном,
а я еще наполнен летом,
как виноград наполнен светом,
как белое вино -- теплом.
Вокруг шершавый листопад,
и наплывают тучи грозно.
А мне все чудится, что звезды
со звоном на меня летят...

Т У М А Н

Цепляются туманы за деревья,
спускаются туманы на деревни,
ползут они над тихими полями,
как белый сон, плывут над тополями.
Все невесомым кажется и странным...
Вот и подкралась осень тропкой тайной,
развесила тумана паутину,
как марлей, занавесила картины:
чуть тлеют краски под холодной марлей.
Вот пень стоит, как одинокий карлик,
под черной шапкой из листвы опавшей.
Нет у него сегодня.
Пень -- вчерашний:
все за туманом, в прошлом все осталось.
Туман -- земли душевная усталость.
И только я один сегодня знаю,
что где-то ветер крылья поднимает,
и скоро разбегутся прочь туманы,
и снова вспыхнут золотом поляны,
и мир заполнят радостные краски...
Туман -- не смерть.
Туман -- ночные сказки.

* *

В последних днях перед зимой
есть удивительная нежность:
в березах тонких -- свет и снежность,
а в соснах -- запах смоляной.

Сырая волглая листва
устало хлюпает под кедом,
бредет туман за мною следом,
и в строки вяжутся слова.

Люблю ноябрьские рассветы,
их невесомость, тишину,
в тумане -- белую луну
и пни в серебрянных беретах.

Леса встревоженно молчат,
лишь от рассвета до заката
неунывающие дятлы
по-майски весело стучат.

ПРЕДЗИМЬЕ

Заката холодная медь
все небо мгновенно сковала.
сгорбатился куст, как медведь,
листва его бурою стала.

Серебрянный месяца рог
светился на меди безгрешно.
Похрустывал первый ледок:
Зима подходила неспешно.

* *

Снежинок удивительные танцы.
Лесных теней полупрозрачный дым.
Поэзия.
Способность удивляться
явлениям и сложным,
и простым.

* *

В первоначальный миг
движенья сока,
в тот час,
когда ключом бьет жизнь вокруг,
наверно,
и змее бывает одиноко,
яд ей самой осточертеет вдруг.

Так верится в добро
в минуту пробужденья,
что -- если бы сумел! --
как мотылек помчал
на теплый свет луны,
в ольховое свеченье,
и крылья грел у звезд,
и о любви молчал...

* *

Часто, гонясь по свету за чудесами
в поисках разной экзотики:
ледовых вершин и старинной готики,
цветов, дурманящих, как наркотики --
забываем,
что главное чудо мы сами.

* *

Поймем ли все,
что рассказать хотели
времен давно прошедших мастера?
За те века, что мимо пролетели,
понять бы,
разобраться бы пора.
Но до сих пор мы спорим, мы гадаем --
кто близок к истине,
кто от нее далек.
И не причем нас разделивший срок --
мы часто и себя не понимаем.

* *

Как жили,
 как живут,
 как будут жить?
Раздумий удивительная нить
протянется по строчкам,
 по словам,
в грядущее умчит,
 вернется к нам,
и где-то
 меж затерянных дорог
свернется в нераспутанный клубок.

Не терпит неразгаданного мысль!
Нетерпеливо рвется вглубь и ввысь --
распутать,
 разгадать,
 раскрыть секрет:
задач неразрешимых в мире нет!

И в самом деле:
 где же тот клубок?
Нить потянулась снова.
 Путь далек.
Столетия летят.
 Найти!
 Решить!
Как жили?
 как живут?
 как будут жить?

УГОЛОК СТАРОГО МИНСКА

Рыбьей чешуей блестит булыжник,
аккуратно вымытый дождем.

Я иду.

И с каждым шагом ближе
старый переулок,
дряхлый дом,
ветхая прогнувшаяся крыша
церковь,
монастырская стена...

Только в этом уголке и дышит,
и живет тихонько старина.

Сжалось время
в крохотный комочек,
и дрожит,
и тяжело молчит,
словно грозы все,
все злые ночи
в тайниках своих оно хранит.

Поделись,
открой нам тайны эти!

Не молчи угрюмо,
тяжело!

Было много зла на белом свете --
мы живем,
чтоб не вернулось зло.

Все здесь далеко --
и все здесь близко,

рядом --

и в далекой старине.

Тысячи историй камни Минска
до сих пор не рассказали мне.

Вот они:

застыли неподвижно

старый переулок,

дряхлый дом.

Рыбьей чешуей блестит булыжник,
аккуратно вымытый дождем.

Чем-то этот уголок мне дорог --
стал он уголком моей души.

Ухожу.

Возносит юный город
к небу голубые этажи.

ГРУЗИНСКАЯ ЧЕКАНКА

Как это просто:

ток-ток

молоток,

бронзовый ковш сам собой повернулся.

Легкий удар --

и чеканный цветок

вдруг распустился и улыбнулся!

Штрих за штрихом,

лепесток к лепестку.

И незаметно металл оживает.

Я прикасаюсь рукою к цветку --

вдруг он тепло в мою руку вливает.

И продолжает летать молоток,

ковш сам собою вращается быстро.

Ток-ток:

из бронзы восходит цветок,

ток-ток:

летают веселые искры.

И восхищенно запела душа,

и виноградные лозы созрели...

Старый чеканщик творит не спеша

теплую песню в дождливом апреле.

* *

Нет доли больнее на свете,
чем все сквозь себя пропускать,
иметь уязвимое сердце,
всем бедам сопереживать.

Кто может из нас похвалиться,
что так же беспечен всегда,
как облако,
 ветер,
 пшеница,
как дерево или вода?

И даже в немалые годы
никто научиться не смог
легко относиться к невзгодам,
как облако,
 ветер,
 цветок...

* *

Вечными заверчены делами,
кажется вне времени живем.
Но года уходят за годами,
убегает быстро день за днем.
Уж октябрь осыпал нас дождями,
уж на реках -- тонкая слюда...

Хочется, чтоб сделанное нами
на Земле осталось навсегда.

ЛИПЕНЬ

Любя медовый запах липы,
июль у нас назвали:
"Липень".
Как метко сказано!
И вот
по липеню шагают люди,
и -- если даже путь их труден --
медовый ветер в лица бьет.

Навстречу ветру я иду.
Вдоль улиц липы --
 все в цвету.
Их желтизна непостижима,
их аромат неповторим.
Люблю я липень.
Вместе с ним
и сам цвету неудержимо.
Мне каждый цвет
 нектар несет --
да не всегда мне
 сладок мед...

* *

На непромеренных снегах,
на водах непромеренных
не пробедил бы душу страх,
была б душа уверенной!

Была б по силам крутизна,
и ширь,
и высь заветная --
чтоб было сердцу не до сна
в дни вешние,
в дни летние.

Чтоб в сумрачный осенний день,
в часы зимы студенные
не побеждала душу лень,
годами порожденная.
Чтоб, груз годов свалив к ногам,
мне путь искать намеренно
по непромеренным снегам
и водам непромеренным.

* *

Пока существует незримая связь
меж лесом и лугом и мною,
та песня,
 что в сердце моем родилась,
не станет глухой тишиною.

Пока по изгибам коры на стволах
фантазия радостно бродит --
пусть прячется старость
 в далеких углах
и в душу на миг не заходит.

Пока разделяю с любимой моей
и будни, и праздники --
 верьте:
и ночь нипочем мне,
и каждый из дней
вольется мне радостью в сердце.

Бывает, оплачется горестный час,
метелица ухнет совою --
пока остается незримая связь,
душа остается живою!

* *

Сквозь многое проходят люди --
лишь крепче держатся потом
за землю,
где их путь так труден,
где их руками срублен дом.

И я твержу:
да будет солнце,
да хватит мужества в пути
кромешный ад, коль доведется,
мне без отчаянья пройти!

* *

Много ли,
немного
отпущено нам,--
пусть ведут другие
счет этим дням.
Мы считать не будем --
жаль время терять:
не так уж его много,
чтобы считать.
Будем жить.
Работать,
ходить да смотреть.
Хочется потрогать
осеннюю медь,
зимнюю искристую снежную гладь.
Хочется многое
увидеть и взять.
А сильнее хочется --
другим подарить
если не дорогу,
то тропочку -- нить.
Чтоб сплелась из нитей
дорога вперед --
счастливая дорога,
не наоборот!

3. Воспоминания

о детстве

* *

Иногда мне кажется:
 детства я не знал.
К худенькой спине его
 долго был приставлен
вороненый,
 жалящий,
 ледяной металл...
Чувствую всей кожей я
 холод этой стали.

ДЕТСТВО

Надолго запомнил я запах шинели
И ласку отцовских натруженных рук...
Махали верхушками грустные ели,
И поезд, казалось мне,

всхлипывал вдруг.

В теплушке коптилка светила убого,
Ребенок тянул бесконечное:

-- Пи-ить...

А древний старик уговаривал бога
Детей и Россию от бед защитить.
Все ближе Урал.

А навстречу -- на запад --
Составы спешили и ночью, и днем.
О, как я завидовал, помню,

солдатам --

Мальчишка, уже опаленный огнем!
И, лишь занималось неяркое утро,
Я рвался к дверям -- эшелоны считать.
А мама к себе прижимала,

как будто

Доподлинно знала:

могу убежать...

М Е Д

Названия теперь я не припомню --
ведь в сорок первом было мне лишь пять...
Нас, беженцев, в деревне рядом с Волгой
однажды разместили ночевать.
Я вместе с мамой к старикам попал.
Хозяин во дворе все хлопотал,
с хозяйкой мама отошла куда-то.
А день шел к необычному закату:
без свиста паровозов,
без гудков,
без ругани, без плача, без проклятий...
Жужжанье пчел, безмолвье облаков.
Был этот тихий час мне не понятен!
И я сидел устало на скамейке --
бессильный равнодушный старичок.
Хозяин в полосатой кацавейке
вдруг подошел:
"Ну как дела, внучок?
Да отощал ты страх..."
И он рукою
провел легонько по моей щеке,
такую жесткой, твердою такую,
как будто терка пряталась в руке.
"Идем-ка в хату!"
И покорно следом
я в хату полутемную вошел,
поверив почему-то сразу деду,
что все на свете станет хорошо.
И сел я у стола.
Хозяин вышел.
Скреблись под лавкой тихо-тихо мыши.
Вернулся дед.
И чудо мне принес:
на стол поставил блюдце с медом чистым,
пахучим,
 сладким,
 солнечно-лучистым.
"Едай, внучок! Иди, как надо, в рост!"
Я хлеб макал и кушал осторожно,
чтобы и каплю даром не пролить,
я не спешил, стараясь, как возможно,
подольше удовольствие продлить.
А съел -- и вдруг заплакал, спохватившись,
что маме не оставил сладкий мед...
Старик меня погладил:

"Тише, тише,
не плачь, внучок... Как только мать придет --
нальем и ей тогда мы блюдце меда!"
...С тех пор промчались незаметно годы.
Что б ни было со мной -- тот мед во мне.
Я вспоминаю часто в тишине
тот год,
тот мед
и той руки шершавость
и над любой бедою поднимаюсь.
А тихий голос деда недалек:
"Едай, внучок!
Расти, расти, внучок!"

НАВОДНЕНИЕ

Тобол разлился,
как взбесился,
на город бурно устремился,
пошел по улицам гулять,
подкрался не спеша к детсаду,
пролез неслышно под ограду
и к дому начал подступать.
Вода все выше,
 выше,
 выше.
А мы все -- к тете Кате ближе.
И кто-то всхлипнул.
И тогда
запела тетя про рябину,
склонившуюся возле тына...
За дверью булькала вода.
Мотиву тихому поверив,
мы успокоились чуть-чуть.
Вода, блестящая, как ртуть,
уже была под самой дверью,
когда, ворота распахнув,
во двор детсада... лодки вплыли!
И тетя, тяжело вздохнув,
заплакала:
"Не позабыли..."
И нас по улицам везли,
смешно и весело нам было:
ведь мы по улицам тем плыли,
где утром по брусчатке шли.
И начинали хохотать мы.
Нам вторил тихий смех гребца.
Молчала только тетя Катя
и всхлипывала без конца...

ПОХОРОННЫЙ ЛИСТ

Мы строили из снега во дворе
огромные искрящиеся "доты".
И было высшей радостью в игре,
когда тебе доверят "пулеметы".
И прежде, чем игру свою начать,
мы спорили до хрипоты порою:
старался каждый как-то доказать,
что должен он командовать игрою.
А в этот день игра не удалась:
мы у крыльца стояли и молчали --
из-под Москвы в то утро в первый раз
к нам похоронный лист во двор прислали.
Единственный мужчина во дворе --
старик Егорыч -- объяснял уныло,
что Толькиного папу в декабре
в бою фашисты под Москвой убили.
Нам это трудно было осознать.
И мы сквозь стекла тусклые глядели,
как Тольку, плача, обнимала мать,
а бабка колотилась на постели.
Нет, мы ничем помочь им не могли.
Но вдруг мы по отцам затосковали:
так захотелось, чтоб они пришли,
чтоб больше никого не убивали!
Нам так хотелось видеть их, живых!
Мы верили:
придет победа вскоре...
Но был наш двор не лучше всех других,
еще не раз к нам приходило горе.

КАРТОШКА

В поле, ветренном и голом,
за рекою за Тоболом,
переплыв Тобол на лодке,
мы на выделенных сотках,
перекопанных лопатой,
теплых,
 мокрых,
 кочковатых,
садим раннюю картошку.
Дождик моросит немножко.
Каждый клубень аккуратно
разрезаем на куски.
Быть должны в куске, понятно,
почки -- белые "глазки".
Мама говорит, что надо
тем ученым дать награду,
кто научно доказал,
что достаточно куска,
чтоб из каждого глазка
куст картошки вырастал.
Как иначе обойдешся?
Где тут клубней напасешься?
Мы и так уж три недели
лишь жмыхи да семки ели...
Режем клубни на куски
и землей их присыпаем
словно близких мы теряем
у Тобола,
у реки.

НЕЛЛО

Это было зимой сорок третьего года.
Было холодно.
Била в окно непогода.
Мерзли стены.
Лишь в центре комнаты нашей
возле печки-буржуйки чуть было теплей.
И у дверки открытой смотрел я, как пляшут
языки беспокойных уютных огней.
В этот вечер я книгу открыл у буржуйки.
Еле-еле мерцал угасающий свет.
Я читал.
Не от холода было мне жутко,
не от стылого воздуха комнаты -- нет!
Просто мальчик-художник по имени Нелло,
замерзающий где-то в холодной ночи,
и Патраш -- добрый пес,
и рыданье метели --
все так било в меня,
 что хоть криком кричи,
беспощадно и зло,
ранив душу и тело.
На буржуйке румянец уже угасал...
Ночью мама с работы пришла. И о Нелло
я, рыдая навзрыд, тут же ей рассказал.
А она, утешая, твердила упрямо:
"Все ошиблись, сынок!
Живы, живы друзья!"
И тогда я поверил не книге, а маме --
и поныне убить эту веру нельзя!
Я лежал успокоенно, слушая маму,
за стеной шелестела метель без конца...
То ли мама шепнула,
то ли скрипнула рама:
"Что-то долго нет писем,
 сынок, от отца..."

О РС

*Это теперь я знаю, что
ОРС -- отдел рабочего
снабжения. А тогда...*

По праздникам два раза в год
нам ОРС талоны выдает:
на рубашонку, на калоши...
какой же этот ОРС хороший!
Я представлял себе, что ОРС --
высокий добродушный дядя,
одетый, словно на параде,
и слово ОРС любил как "морс".
И я своим друзьям кричал:
" Ура, мне ОРС калоши дал!"
А мне в ответ кричат они:
" Мне ОРС дал туфли!",
" Мне -- штаны!"
Калоши так блестели ярко!
И если встречу ОРСа, то
скажу:
" Спасибо за подарки,
но подари мне, ОРС, пальто!"
И ОРС пальто, конечно, даст.
Однажды мама мне, смеясь,
сказала:
" Нам костюм дают.
Идем, сынок, нас в ОРСе ждут".
Идти немало нам пришлось.
Нас ветер продувал насквозь.
И мы, продрогшие, вошли
в барак. И хмуро тетя злая
костюм какой-то принесла нам,
весь в нафталиновой пыли.
Костюм мне примеряла мама.
А я все спрашивал упрямо:
" Где ОРС? Где ОРС?" --
" Да вот он, тут!"
Ну нет, меня не проведут!
Не маленький!
И выбрав миг,
я в глубину барака -- шмыг!
А там лишь полки, полки, полки...
Так ОРСа я не повидал.
ОРС видимо меня не ждал.
" Какая злая тетя!" -- колко
в отместку ОРСу я сказал.
" Ну что ты сын, она не злая!

А просто почта принесла ей
лист похоронный..."
Вот так да!
У ОРСа, стало быть, беда.
Я шел притихший и продрогший,
блестели черные калоши...

С К А З К А

Два пряника -- два ароматных чуда.
Два пряника, пахнущих медом и мятой.
Мы просто не верили:
"Мама, откуда?"
А мама смеялась:
"Из сказки, ребята!"

Из сказки!
Конечно, тогда, в сорок третьем,
только из сказки могли появиться
в маминой сетке пряники эти:
два щедрых подарка от доброго принца.

Домой мы за мамой бежали вприпрыжку,
мы с маминой сетки глаз не спускали...
Но вдруг прибежали большие мальчишки,
сетку схватили -- и убежали.

И солнце расплылось соленой кометой,
растаяли пряники, словно сны...
Вот так и окончилась сказка эта --
одна из немногих сказок войны.

УРОКИ ГЕОГРАФИИ

Сводки с фронта мы вслух читали,
Согревая дыханьем класс.
Географию заменяли
Сообщенья "В последний час".
Орудийных салютов пламя
Нам светило издалека...
Мы охрипшими голосами
Повторяли:
 "Наши войска..."
Находили на карте точки
И тянули нити фронтов...
И врезались нам в память прочно
Все названия городов.

" Т Е М Н А Я Н О Ч Ь ..."

Шел год надежд,
Шел сорок пятый год.

За всю войну впервые на завод
Воскресным утром мама не спешила.
Соседка по квартире -- тетя Мила --
Сказала, что хороший фильм идет,
И нам билеты щедро предложила.

Фильм был о двух бойцах.
И зал следил
Заплаканными женскими глазами,
Как, глядя на мигающее пламя,
Солдат о доме,
 о семье грустил.
Зал, плача, слушал,
 как Бернес поет...
Шел год надежд,
Шел сорок пятый год.

ТОЛКУЧКА

Была она шумна,
 воскресная толкучка.
 Была она бедна,
 как мамина получка:
 меняли хлеб и соль
 на мыло и портянки,
 на гречку и фасоль --
 свинной тушенки банку,
 солдатское белье --
 на часики-штамповку...
 Здесь разное жулье орудовало ловко.
 Торговая война,
 где каждый что-то просит.
 С утра и дотемна
 толпы разноголосье.
 Лишь в дальнем уголке
 толпа чуть-чуть стихала:
 плечистый дед в руке
 держал не вещь, а сало:
 чуть розовый бекон!
 И здесь, слюну глотая,
 отчаянно на кон последнее кидали:
 рубаха -- полкило,
 жакет -- кило, не меньше.
 Прозрачны, как стекло,
 глаза усталых женщин.
 А за стеной -- тоска,
 а по стеклу -- дождевики:
 не сало от куска --
 последние ботинки.
 Но выдержать соблазн легко ли?
 Кто осудит?
 Наестся бы хоть раз --
 а там уж будь что будет!
 А мне-то что менять?
 Мне ночью снилось сало...
 По выходным опять
 я мчал сюда, бывало,
 смотреть на шум да крик,
 людей круговороты...
 "Ты спекулянт, старик!" --
 скрипит зубами кто-то.
 А деду хоть бы что!
 Не вытерпев однажды
 я снял свое пальто

с отчаяньем отважным
и, съжившись, -- мороз! --
к нему пошел скорее.
(А жаль пальто до слез:
хоть старое, да греет.)
Дед повертел пальто
и мне вернул обратно...
Я понял, что никто за старые заплаты
мне сало не отдаст.
Черт с ним,
с проклятым салом!
Но что-то в этот час
в душе моей восстало,
я крикнул: "Мироед!
Кулак!
Фашист проклятый!"
И вдруг увидел: дед качнулся виновато,
стал что-то бормотать
о внуках, о невестке,
стал сало мне совать...
Я повернулся резко.
И вот уж столько лет
толкучку ненавижу,
Где ради внуков дед
снял одежду с ближних...

И Р К А

Ирку "санитаркой" назначали.
И ползла под "пулями" она,
ничего вокруг не замечая,
сострадания к "раненым" полна.
На боку у "санитарки" сумка,
две косички по земле ползут.
Только упадешь на землю в шутку --
маленькая Ирка тут как тут.
Перевяжет грязными бинтами --
то не грязь, конечно, кровь видна!
Йодом смажет ссадины и раны,
вытащит любого из "огня".
В Ирку все, наверное, влюблялись,
потому, что старше становясь,
ранеными чаще притворялись,
чаще каждый с криком падал в грязь.
Раздирая на чулочках дырки,
сострадания к "раненым" полна,
потная, взъерошенная Ирка --
ничего не видела она!
Так играла, словно в самом деле
умирали все мы в этот час,
словно канонады и метели
в самом деле рушились на нас.
Черными обвязаны бинтами,
уходит мы от Ирки в "бой",
имя этой девочки, как знамя,
как надежду, унося с собой.
...А потом квартиру Ирке дали,
со двора уехала она.
Больше мы "боев" не затевали:
во дворе окончилась "война".
Дождь ли шел,
иль в окна солнце лилось,
иль метели плакали во мгле --
долго "санитарка" Ирка снилась --
две косички тонких по земле...

* *

Когда над детством пошатнулось небо
и рухнуло со звоном с высоты --
я вдруг узнал, что счастье пахнет хлебом,
надеждой -- писем мятые листы.

Давно уж солнце в чистом небе светит.
Но что-бы мир беспечный не ослеп,
настойчиво рассказываю детям,
каким высоким счастьем пахнет хлеб.

* *

Уходят в небытие домишки кособокие,
где в детстве жил и я,
и все мои друзья.
Взамен хибар вокруг --
одни дома высокие,
тот деревянный мир спасти уже нельзя.
Да и зачем спасать?
Расти, не знай усталости!
Мой город краше стал,
все молодо кругом.
Да я и сам, пройдя
сквозь горести и радости,
над детством вышусь,
как многоэтажный дом.

БЕРЕЗА У ШКОЛЫ

1

Имена погибших на березе
вырезали школьники-галчата.
На березе выступали слезы --
капельки весеннего заката.
К маю сорок пятого так тесно
от земли до веток буквы стали,
что для новых не осталось места.
В День Победы долго мы стояли
у березы...
И слезились буквы.
Мне в тот светлый час казалось, будто,
наклоня ветви виновато,
плакала береза о солдатах...

2

Возле школы сына есть березка --
белый ситец в серую полоску.
Гладкая кора ладони греет,
из окна -- веселый школьный шум...
Почему хочу я поскорее
убежать от невеселых дум?
Все терзает дума: слишком много
места на березовом стволе.
Мальчики, от школьного порога
долго ли шагать вам по земле?

3

Буквы влажно на стволе мерцали...
Неужели ТО опять пришло?
Прочитал:
"Сережа любит Валю"--
и от сердца сразу отлегло.
Хоть и тяжкий грех -- березу резать,
признаюсь: не ощутил я зла.
только бы береза возле школы
памятником павшим не была!
Облака над крышами летели,
вылезали клейкие листы.
Шла весна,
шел праздник красоты,
дети шли из школы по апрелю.
Им весна навстречу посылала

солнце,
теплый воздух,
ручеек...
Я читал: "Сережа любит Валю".
Выступал из букв
прозрачный сок.

* *

Когда осенний лист багровый
разбросан по земле сырой,
тогда мне кажется порой,
что этот лес обрызган кровью:
так густо надо окропить
всю землю, чтоб листва горела,
чтоб даже осень не сумела
дождями алый отблеск смыть.
Когда снега в единый миг
укроют землю покрывалом,
услышав ветра стылый крик,
рябина вспыхнет цветом алым.
И этот цвет живучий вновь
над белым
пламенем взметнется.
Алеют ягоды, как кровь,
а снег несется, снег несется...
Кто алым окропил, когда?
Смотрю на снег и вдруг немею:
под ним, прозрачным, как слюда,
окопы старые чернеют.
И мудрость русской сказки вновь
постигну я умом и сердцем:
где капелькой упала кровь,
восходят алые соцветья.

ВОСПОМИНАНИЕ

Мороз набросил белую тужурку
на ледяное хрупкое стекло,
но жарко накаляется "буржуйка"
и дарит нам недолгое тепло.
Коптит фитиль неярко и тоскливо...
А мама каждый вечер без конца
читает вдохновенно и счастливо
мне письма с фронта --
письма от отца.

...Я очень часто вспоминаю это,
и каждый раз тому я счастлив вновь,
что путь мне осветила добрым светом
с тех дней отца и матери любовь.

УРОК

Лежат полоски солнечного света
на черных партах.
Холодно рукам.
Моя тетрадка сшита из газеты,
кричит обложка:
"Отомсти врагам!"
Озябшими неловкими руками
мы пишем
меж газетных мелких строк:
"Мы победим!
Не будем мы рабами!"--
и этот не забудется урок.
Еще салюты загремят нескоро,
и будет замерзать наш тихий класс,
еще подержит на прицеле горе
и наших мам,
и каждого из нас.
Но все-таки озябшими руками
мы пишем меж газетных мелких строк:
"Мы победим!
Не будем мы рабами!"--
и этот не забудется урок.

* *

Казалось, нет места живого
на послевоенной земле.
Смолою стекала тревога
из ран на побитом стволе.

И поле дышало печалью,
и в небо взлетел первый плуг,
когда остроточенной сталью
на мину наткнулся он вдруг.

Казалось в развалинах ветер
навек приютился тогда,
а если что вечно на свете --
то это людская беда.

Но листья из почек пробились,
погибли не все зелены,
окошки землянок светились
и школа росла для меня.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Некормленное тело позабыв,
душа моя карабкалась по строчкам,
глотаю книги до последней точки
и жизнь иную для себя открыв.

В той жизни было все,
о чем мечтать
душа моя не смела в сорок пятом.
Не все в ней было близким и понятным,
но как был сладок сам процесс:
ЧИТАТЬ!

Перебирать слова,
познав их власть,
отдаться их течению и кипению,
услышать слов таинственное пенье
и надыхаться их озоном всласть!

Там,
отзываясь на певучий звук,
в промерзшей комнатухе сердце пело,
и все мое некормленное тело
победной силой наливалось вдруг.

ПУЛКОВО

На Пулковских высотах неба нет:
багровый дым, метель и пепелища.
На Пулковских высотах гаснет свет,
и ветры над развалинами свищут.
Но за спиной, наперекор врагам,
стоит прекрасный и любимый город.
Под логово врага меридиан
протянут,
 словно тонкий шнур бикфордов...

На Пулковских высотах -- тишина.
Недремлющие маги-астрономы
колдуют здесь без отдыха и сна
и постигают вечности законы.
Устало засыпает Ленинград.
И в этот час, таинственный и поздний,
на обелисках золотом горят
российские немеркнущие звезды.

* *

В тылу,
 в Ката-Кургане изможденном,
от холода и тифа истощенном,
девчонка --
 та, что мне любимой стала,
когда уже война отгрохотала,
когда мы повзрослели --
 та девчонка
в бреду металась.
Тонкая ручонка
бессильно на пол падала с кровати...
Смерть, усмехаясь, подошла к палате.
Но люди милой умереть не дали!
Спасибо.
Ведь они тогда спасали
меня,
 и сыновей моих,
 и внуков.
Их мужество --
 и для меня наука,
их доброта --
 и мне пример извечный:
стой до конца,
 в беде будь человечным!
Но грусть, как тучка, наползает часто:
о тех, кто так и не увидел счастья,
не выжил,
 никогда не стал любимым --
и эта память жаром нестерпимым
горит во мне
 и душу прожигает...

Пусть наши дети этого не знают!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Безногий инвалид
у мокрого крыльца.
И виноватый вид
фронтовика-отца,
как будто в чем-то был
отец мой виноват,
что ноги перебил
товарищу снаряд...
А тот что было сил
руками землю жмет --
и вот уж покатило
на "досточке" вперед.
Подшипники скрипят --
и входит скрип в меня.
Медалей пестрый ряд
качается, звеня.
Передохнул чуть-чуть --
и катится опять.

...Ах, разве в этом суть,
чтоб жалостно писать?!
Суть в том,
 как хохотал,
как весело глядел,
как он одолевал
и раздвигал предел.
Суть в том,
 что он катил
все дальше с каждым днем:
видать,
 все больше сил
и жизни было в нем.
Суть в том,
 что жизнь текла:
он возвращался в дом,
где женщина ждала
с любовью и теплом.
Суть в том,
 что в трудный час
он всем нам помогал:
для каждого из нас
пределы раздвигал.

ДЯДЯ ГРИША

День за днем --
на огненной орбите,
в суховейном выдохе металла,
в эпицентре жарких струй и нитей,
где, как магма,
сталь в печи вскипала,
где ночами алые пожары
попыхали под высокой крышей --
много лет работал сталеваром
наш сосед --
веселый дядя Гриша.
Он зимой с работы возвращался --
рыжий полушубок нараспашку:
"На работе я тепла набрался --
Так, что мне любой мороз не страшен!"
От жары размякли тротуары,
все деревья от жары поникли:
"Что горячий полдень сталевару?
Мы и не к такой жаре привыкли!"
Мы любили нашего соседа:
на все руки мастером он был.
Самокаты и велосипеды
он всегда охотно нам чинил.
На рыбалку брал нас.
а бывало,
выносил во двор аккордеон,
и какие песни запевал он:
и "Землянку",
и "Осенний сон!"
Не забыть мне никогда,
как пел он!
Но глаза его грустнели вдруг...
И от песен сразу все теплело,
сразу же светлело все вокруг.

...Много лет прошло.
Уж годы стерли
прежний адрес,
 игры,
 имена.
Но услышу песни -- комом в горле
слезы...
И нахлынут на меня
год сорок восьмой,
домишко старый, зимний холод,

летний суховей,
голос дяди Гриши -- сталевара
и отца двух павших сыновей.

НА БЕРЕЗИНЕ

Прекрасен мир,
в котором ароматом
одаривают нас чабрец и мята,
в котором спеет солнце,
чтоб загнать
ночные тени в омуты речные.
Тут есть что находить и познавать,
тут ластятся ветра к нам, как ручные,
тут лес, как рай, открыт любой душе --
была б душа чиста и непорочна...

И вдруг --
 тень смерти в старом блиндаже,
бетонным телом вросшим в берег
 прочно.

СУШКИ

Другу детства Лене

1.

Мы оборудовали "штаб"
в сарае за дровами.
Веревка проводом была,
куски трубы -- биноклем.
Нам повинуясь,
танки шли,
солдаты шли за нами,
и батареи били так,
что вздрагивали стекла.
И, как бы ни был бой жесток,
всегда со мною рядом
был Ленька -- самый лучший друг,
готовый день и ночь
ползти по лужам,
приносить для батарей снаряды,
хоть в пропасть броситься,
но мне
в любой беде помочь.
Вот и бежали прочь "враги".
Мы шли вперед упрямо.
...Но ремнем от души не раз
досталось нам двоим,
когда за рваные штаны
нас угощали мамы,
не зная,
из каких смертей
мы возвращались к ним.

2.

Обросли мы, дружок, безделушками:
гарнитурами,
побрякушками.
А давай-ка сбежим за сушками --
за простыми сушками, Ленька!
Пусть на шее звенят легонько
сдобой пахнущие мониста:
о таких мы мечтали истово
в нашем постном,
холодном детстве.
Как бы дети смеялись, если б
заглянули на миг нам в души:
так нам дороги эти сушки --

сушки -- праздник,
сушки -- открытие...
Разве это могли забыть мы?
Но хочу
и прошу повторить я
путешествие в синие дали.
мы о сушках тогда мечтали.
У детей наших -- все в достатке.
Но и нам было детство сладким!
Пахло бульбой.
А в праздник -- сушками.

...Обросли мы, дружок, безделушками:
гарнитурами,
побрякушками...
Бросим все --
и бегом за сушками!

3.

А знаешь, Леня, иногда,
упрятавшись под одеяло,
я убегаю сквозь года
туда -- в далекое начало,
в той комнатухи тесноту,
где среди мебели дощатой
за высотой высоту
с тобой постигли мы когда-то,
где все делили пополам,
где в час беды стояли вместе,
где не шептались по углам,
не знали зависти и лести --
все напрямик, как на войне!
Мы в детстве жили,
как солдаты.
Я вспоминаю в тишине
бесхитростные наши даты --
и больно делается вдруг,
что очень много потеряли.
Как жаль,
что наша жизнь -- не круг,
а завиток крутой спирали,
что годы нам не повторить...
Но до чего ж
необходимо
порой случайно приоткрыть
хоть дверцу
в край невозвратимый!

К О В Р Ы

На базаре -- клеенки блестящие:
удивительные ковры --
немнущиеся,
хрустящие.
Солнце и склон горы,
а под горою -- озеро,
лебеди на волне,
девушка -- личико розовое --
улыбается мне.
Однорукий,
в шинели, парень:
" Покупайте ковры!" -- орет.
И жалуется:
" На базаре
никто ковров не берет..."

До костей пробирает стужа.
Парень совсем хрипит.
Замерзло озеро тут же:
тонкий ледок блестит.
" Мать, гляди:
не ковер -- диво!
Всего за сотню отдам!.."
Мне подмигнул счастливо:
можно мол по домам.
Иду по снежку хрустящему.

...А ночью вижу во сне:
из-за горы блестящее
солнце спешит ко мне.
Нет развалин.
Дома и озеро.
Лебедь белыми крыльями бьет.
Девушка -- личико розовое --
с одноруким
в кино идет.

ЦИРК

Здесь клоун хохотал,
здесь радовались трубы,
здесь акробат ходил подолгу на руках.
Здесь добродушный пес
беззлобно скалил зубы,
а девочка, смеясь,
каталась на шарах.

Весь полотняный цирк
был радостью наполнен:
в нем было так светло,
так празднично тогда!
А за его дверьми --
развалин черных волны,
да вырубленный парк,
да серая вода...

И с карточками мы
шли в очередь за хлебом,
стояли за крупой
под проливным дождем...
Но вспыхивало "Цирк!"
под невеселым небом --
и забывалось все,
что с нами было днем.

ЛЮБЛЮ, КОГДА МАМА ПОЕТ

Люблю, когда мама поет.
Но это бывает нечасто.
Мотив довоенного вальса,
как детская сказка,
плывет.
Люблю, когда мама поет.
Но мама в заботах извечных,
но мама в тревогах сердечных
который уж год напролет.
Все наши заботы она
в свои обращает заботы,
и кажется,
наши работы
готова исполнить сполна.
А наши раздумья порой
тревожат ее и печалят,
слова необдуманно жалят,
не кажутся игры игрой.
Люблю, когда мама поет.
Но это бывает нечасто.
Мотив довоенного вальса,
как детская сказка,
плывет.
Как облачко, реет у щек
седая пушистая прядка.
Поет -- значит, все мы в порядке.
Поет -- значит, все хорошо.

ВОСПОМИНАНИЯ У МОХОВА ПЕРЕЕЗДА

Возле Мохова переезда
в старом домике
я родился.
Возле Мохова переезда,
где стучат день и ночь поезда.
(Потому-то, быть может,
дорога ночами мне снится,
потому-то, быть может,
дорогу люблю я всегда.)

Мимо дома телеги
к базару ползли спозаранку.
Ошарашенный шумом,
рыжий конь головою мотал.
А дымки паровозов,
как туманы ложились на дранку:
кто-то в шутку "копченым"
наш старенький домик прозвал.

Говорили:
" Он вечный..."
А домик сгорел за минуту.
Громыхала теплушка.
А кони по шляху ползли
и тащили орудия.
Сверху "мессер" пикировал круто
и взмывал, словно ястреб,
Над жаром горящей земли.

Этот день навсегда
мое светлое детство отрезал --
и оно, не простясь,
уходило по шпалам навек...

Поезда громыхают.
Я стою возле Мохова переезда.
А в цепочке машин,
как назло,
нет сегодня телег...

Х А Т Ы Н Ь

Нет, никого не знал я здесь
И никогда здесь раньше не был...
На пепелище --
 новый лес,
Над пепелищем --
 то же небо.
И ветер поднимает вдруг
Песок ли,
 пепел --
 я не знаю.
Мне только кажется:
 вокруг
Все на мгновение оживает.
Скрипит калитка на заре,
Смеются бабы у колодца,
Играют дети во дворе,
А по листве струится солнце...

Но почему среди берез
Чернеют печи виновато,
А в них --
 непуганный мороз
И снега голубая вата?..
И ни двора,
 и ни кола...
И сердце стынет,
 сердце стынет...

О, как звенят колокола
В холодном небе
 над Хатынью!

БАЛЛАДА О МАРУХСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

На Марухском перевале
Ветры буйные гуляли...

Не лавины ожидали
Нас на этом перевале,
Ожидали не обвалы
Нас на черно-бурых скалах --
На Марухском перевале
Нас солдаты ожидали,
Замороженные льдами,
Занесенные снегами,
С побелевшими губами,
С почерневшими ступнями...

Не нога, а лед в ботинке,
Не глаза -- две синих льдинки.
А на льду -- их карабины,
И пустые магазины,
Невзорвавшиеся мины
Да канистры от бензина...

Здесь снега летят со свистом:
Кажется, опять фашисты
Лезут,
 лезут вверх по скалам
К перевалу, к перевалу.

-- Никогда не доберутся!
-- Никогда не доберутся!..
Губы белые смеются,
Пальцы белые не гнутся,
И затворы карабинов
Никому не поддаются...

НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ -- ТИШИНА

На площади Победы -- тишина.
Спит Минск.
Мерцают грани обелиска.
Стою один у Вечного огня.
Ложится снег на бронзовые листья,
и в свете голубых прожекторов
на барельефах оживают люди...
Мне чудится, что это у костров
внезапная тревога всех нас будит.
Мне тридцать.
С ними быть я не успел.
Но помню, как от станции уральской
составы шли. Звонящая метель
кружилась на перроне в быстрой пляске.
Отец прижался к поручням стальным.
Поют солдаты. А состав грохочет,
и тихо шепчет мама:
"Будь живым!"
Но вьюга зло и бешено хохочет...
Повсюду, где б потом я ни бывал:
в Москве и Бресте, Киеве и Минске,
меня щемящий холод обнимал
у строгих красноточных обелисков.
Как будто смертоносный тот свинец,
который взяли на себя солдаты,
вошел занозой в ткань живых сердец,
как боль от ран, как след войны проклятой.
Хранит в себе ту боль моя страна,
и каждая семья скорбит о близких...
На площади Победы -- тишина.
Спит Минск.
Мерцают грани обелиска.

РАУБИЧИ

Разрушенный костел огромный свой скелет
подставил под лучи негреющего солнца.
На белые снега ложится лыжный след,
а солнце вслед за мной торопится,
несется.

У маленькой реки -- покой и тишина,
березы льнут к дубам,
как девушки к любимым.
Меня встречает здесь февральская весна --
нежданная весна под небом темно-синим.

Горят вокруг меня веселые огни:
на каждой из ветвей
по собственному солнцу.
Здесь словно все живет предчувствием весны,
которая придет, которая вернется.

И только на горе в отчаянье немом
костел взметнул свои обугленные руки,
как память о войне,
моление о живом,
как боль, с которой быть нельзя в разлуке.

* *

Что ни деревня --
стрелы обелисков.
А к ним деревья
наклонились низко,
тяжелыми ветвями шевеля,
как будто списки вслух они читают...
Шурша,
на плиты листья опадают.
Вся в золоте,
лежит кругом земля.

* *

Перемолотая,
перекрошенная,
пережженная много раз --
ожилa земля.
И сейчас
жизнь ликует на ней хорошая.
Извести ее не смогли враги
и не смогут во веки вечные.
Здесь законы сильны человеческие,
и сильно пожатье руки.
И на землю родную, прекрасную,
на ее удивительный лик
смотрит юноша,
смотрит старик,
смотрит мирное небо ясное.
Пусть --
песчанная ли, болотная ль --
солнце жадно впитав в поля,
расцветает,
белой перемолотая,
но всегда живая земля!

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ

*" Отсюда уходили к Санчарскому
перевалу курсанты Тбилисского
пехотного училища... "*

*Надпись на стене в парке
курорта Гагра*

1.

" О море в Гаграх!
О пальмы в Гаграх!..."

Навязчивый мотив
страшной подагры.
Он день за днем
звучит кругом
и память мучит --
даже мутит...

А море все такое,
как тогда:
обкатывает гальку
и рокочет,
и, убегая от волны,
хохочет
мальчишка черноглазый.
А вода
прозрачно-зелена
и холодна.

Все как тогда...

Чуть замедляя шаг,
идет полковник
через старый парк
по пальмовой аллее,
где дрожат
деревья:
им зимою худо...
А на стене:
" Отсюда...
ушли курсанты...
на Санчарский перевал..."

И снова память,
как девятый вал,
вздымает
на белом гребне час,

когда они --
зеленые юнцы --
стояли во дворе
и слушали приказ
и -- удалцы! --
сияли:
вот и вспомнили о нас!

2.
Метет...
Метет...
Снег.
Лед.
Траншея -- лед.
Блиндаж -- из льда.
Из льда еда.
И вода.
Канистра бензина:
за пять минут
чуть лед растопят --
и жадно пьют.
Даже веселый Гога притих...

Только ветер поет.
Псих!
Метет, метет.
Снег.
Лед.

3.
Когда они ударили?
В четверг?
Был бешеным и яростным огонь.
А лед взлетал и поднимался вверх.
И стал горячим и кровавым снег:
притронешься --
и обожжешь ладонь.
Когда они ударили?
Рассвет
едва-едва задел вершины гор.
И сразу мы ударили в ответ:
из пулеметов били их в упор.
И сбросили!

... Но Гоги больше нет.
И нет Сурена.
И Алеши нет...

4.

Метет. Метет.
Снег.
Лед.
Красиво:
луна по гребню идет.
Не заснешь:
красиво!
Кавказ хорош.
Диво!
Но у нас -- в Белоруссии --
не хуже ничуть.
Хоть бы не уснуть!
Стою.
Вспоминаю отца.
И маму.
Без конца
вспоминаю...
Что там у нас?
Отец -- на фронте.
А мама?
Как там маме сейчас?
Жива ли?
Что с сестренкой --
Валюшкой - Валеи?
И снова:
как мама?
Что там у нас?
До чего же красив и суров Кавказ!

И вдруг молнией:
что там -- внизу?
Ползут!
"Тревога!"
И рвет
тишину пулемет,
и катится стон из ледовой пыли...

Весь бой -- как сон.

Отбили!
Штыками отбили.

... Пришел рассвет.
Вани нет.
Сени нет.
Арсена нет.

5.
Метет. Метет.

Снег.
Лед.
Со склона в долину --
лавина!
Она на фашистов идет!
Сиреною воет --
орет.
И бьет лавина.
Не вышло!!!
Клином
вбивает гадов под лед.
Снег...

6.
Полковник идет.
Кончается отпуск.
Завтра
он покидает Гагру.
Пальмы дрожат:
им зимою худо.

А на стене:
" Отсюда..."

Все начиналось тут,
где море, пальмы, уют.

А мальчик на пляже --
посинел даже! --
все бегаёт от волны.
Хохочет.
Бегут валы.
Море рокочет.
И вспоминается вдруг
полковнику
старший внук
Алеша,
и средний --
Сурен,
и младший внучок --
Арсен.
Бессмертные имена!

... Накатывает
волна...

4. Дождя
счастливое
мгновение

* *

И станет слово откровеньем,
и будет заново воспето
неповторимое мгновенье
извечно юного рассвета.

ЮНОСТЬ

Дождя счастливое мгновенье,
когда я мог
в апрель вбежать
и водосточных труб колени
на улицах пересчитать,
когда под песни капель звонких
я мог по лестнице взлететь
и в чистые глаза девчонки,
как в воды вешние,
глядеть...

* *

За радугу,
как за рычаг,
возьмусь -- и опрокину
вам на колени просто так
цветущую долину:
ее сады,
ее цветы,
всю музыку июля,
чтоб в свежесть этой красоты
лицо вы окунули,
и благодарные глаза
в глаза мои смотрели,
а все,
кто нам кричит:
" Нельзя!" --
внезапно онемели.

* *

Признаюсь тебе
-- не смейся, пожалуйста!--
ты -- это мир, населенный радостью,
ты -- солнце,
на этот листок упавшее,
ты -- песня,
с утра под окном летавшая.
Выйду на улицу ранним утром:
дождь идет.
А слышится, будто
звонкие капли-- твои слова.
А позже -- кончится дождь едва --
улица в солнечный свет окунулась,
кажется,
это ты улыбнулась,
бросила смех, как лучи,
на цветы...
Какое счастье:
ты -- это ты!

* *

Течение дней моих
любовь преобразила:
я вижу за двоих,
я слышу за двоих,
я помню за двоих.
Чтоб ты ни говорила,
чтоб ни шепнула мне --
я помню,
вижу,
слышу!
С тобой наедине,
с тобой наедине --
хочу подняться выше,
достигнуть высоты,
до неба дотянуться
и в дом, где дышишь ты,
в день, где смеешься ты,
в ночь, где целуешь ты,
со звездами вернуться.

* *

Держу твои руки,
теплые и пахучие.
Слышу слова твои,
самые лучшие.
Целую локон,
не знаю покоя...
За что мне, грешному,
счастье такое?!

Иду с тобою --
не знаю усталости.
Даже птицы
поют от радости --
поют осенью
песню вешнюю...
Счастье такое
за что мне, грешному?!

ЧТО ОБЕЩАЕТ ЗИМА?

Что обещает зима?

Шубу пушистую -- полю,
лесу -- веселый мороз,
ласковой речке -- кольчугу.

Что обещает зима?

Рыбам -- удушье неволи,
улице -- снежный занос,
нам же -- свиданье друг с другом.

Сбудется это?

Пока

сами того мы не знаем:
может быть с юга сюда
теплый циклон проберется.

Сбудется это?

Пока

верят любым обещаньям
поле, и лес, и река...
Сердце надеждами бьется.

* *

У счастливой любви
нрав всегда молчаливый.
Море песен и слов
у любви несчастливой.

Видно,
этому нас научила природа:
ясный полдень молчит,
но гремит непогода.

С Н Е Ж Н О

Что ночной снежок
сделал?!
Елочка -- стожок
белый,
побелел твой дом
быстро,
носятся кругом
искры.
Солнце и зима --
всюду.
Стала ты сама
чудом:
на твоих плечах --
звезды!
А в твоих глазах:
"Поздно!
В мае бы любил
нежно.
Где же раньше был?.."

...Снежно.

* *

А свечи тоненьких берез
светились под луной.
Мне показалось:
мир замерз,
укрытый тишиной.
Замерзли рощи и дома,
и нет в печах огня.
И в целом мире ты одна
осталась у меня.
В твоей ладони -- всплеск луны,
тепло -- в твоих глазах.
Неслись березовые сны
на снежных парусах.
Они скользили меж берез,
как изморозь,
как дым,
и обдавал стволы мороз
дыханием своим.
А свечи тоненьких берез
светились под луной...

И мир, конечно, не замерз:
ведь ты была со мной!

* *

На Шорной улице весна звенела,
над Шорной улицей луна плыла...
Там скрипка юности легко запела
и в тихий палисадник увела.

Была девчонка -- две косички черные,
слова нашлись -- нужнее в мире нет!
Исток апрельский мой -- родная Шорная,
ручьём бегущая из давних лет.

Все про меня всегда, конечно, зная,
дарила Шорная мне смех да грусть...

Под скрипку юности неумолкавшую
я с каждым годом медленней кружусь.

* *

Вересковый цвет тугой
покачнулся под ногой.
Чуть задел жасмина куст --
слышу тонкой ветки хруст.
А по взгоркам без конца --
скромный отсвет чабреца.

Так и бродим мы без слов
по музею трав, цветов,
как по прожитым годам,
где дышалось сладко нам,
где и вереск,
и жасмин,
и чабрец --
как сон один,
где в погожий майский час
вдруг любовь коснулась нас.

Дни весной освещены,
памятью освящены.

ЗОЛОТОЙ ВЕНОК

Над полем -- быстрые шмели.
Они нам песенки плели,
а, может, сказки,
может, были...
Здесь мы друг друга так любили,
что солнце опускалось вниз
и с нами пряталось в колосьях.
И в золотой венок сплелись
ты,
солнце,
птиц разноголосье,
колосья,
быстрые шмели,
что песенки для нас плели...

ПРОСЬБА

Не троньте, годы, милую мою.
Все, что вам нужно,
у меня возьмите!
Она -- мое великое открытие,
не троньте, годы, милую, молю!
И до конца моих недолгих дней
сил разрушенья на нее не тратьте.
Любовь мою негаснущей оставьте
и после жизни солнечной моей.

НЕ УМЕХА

Кем была ты? Неумехой:
ни сварить, ни стол накрыть...
Но какие искры смеха
ты умела подарить!

Было мне совсем неважно --
много, мало ли еды!
Потому что быт отважно
в праздник обращала ты.

Потому что с неумехой
знал я счастье вновь и вновь,
и непройденною вехой
рядом высилась любовь.

* *

В сырой и горький молочай
осенние дожди стучатся.
А память к лету невзначай
вдруг начинает возвращаться.

Опять мне снится по ночам
толпы счастливое круженье
по перелескам,
по борам,
под шум листвы,
под птичье пенье.

Колодец,
где о сруб бадья
стучит дубовыми боками,
где пью, минуту погоды,
не воду -- молодость глотками.

Ночной костер
и дымный чай,
палатка,
звонкий юный ливень.
Сырой и горький молочай,
а поутру -- твой взгляд счастливый.

* *

Нас сравнивали пути,
по которым прошли,
на которых встречалась порой нам удача,
на которых открылись нам краски земли,
сладость смеха
и горечь тяжелого плача.

Нас рассвет уравнивал,
нас равняет закат,
делим поровну зиму и жаркое лето.
Лишь с тобой разделить я, как в юности, рад
солнца щедрый восход,
блики звездного света.

Боль земную,
потери холодную тьму,
стужу полночи вьюжной,
дождливую осень --
все тяжелое взял бы себе одному...

Но и в этом нас жизнь уравнивает,
не спросит.

* *

У твоего высокого порога
следов, признаться,
было слишком много.
Я тоже отпечатал там
свой след.
Перешагнуть, однако, не решался.
Он неприступным для меня остался
и будет неприступным
много лет.
Следы другие были посмелее...
Но никогда о том я не жалею:
намного больше
ценятся всегда
порог, который не переступили,
те берега,
куда мы не доплыли,
та недоступная для нас звезда.

"Ты счастлив в самом деле?"

"Я в самом деле рад..."

* *

Будто быстрый табун
с оглушительным топотом
где-то в небе промчался --
и скрылся вдали.
Имя милой моей лишь промолвил я шепотом,
гром подслушал --
понес по пространствам земли!
Лес его повторил.
И река повторила.
Новой молнии росчерк его написал.
Тайну сердца
гроза всем живущим раскрыла --
а ведь я от себя эту тайну скрывал.
И тогда закричал я:
"Люблю!" --
и, конечно,
подхватила и это признание гроза.
"Любит!" --
капли запели на травах приречных,
"Любит!" --
вдруг зашумели за речкой леса.
Дождь хлестал.
Гром катился.
Душа ликовала.
Имя было --
как песня,
как гимн,
как призыв...

Только милая
так ничего
и не знала:
испугавшись,
упряталась
в дом от грозы.

ЛЮБОВЬ

В недобрый час, когда мне будет худо,
пусть память мне поможет вновь и вновь!
Ведь знал и я великую любовь,
способную из прозы сделать чудо,
вдруг из мужчины сотворить дитя,
особый мягкий свет разлить повсюду,
преобразить в поэзию, шутя,
и шелест листьев,
и мытье посуды.

* *

Когда придет пора итоги подводить,
и поседею я,
и от дорог устану,
прошу судьбу меня одним вознаградить:
пускай любимым быть
вовек не перестану!
Пускай в последний час земного бытия
любимая моя --
уже совсем седая --
шепнет:
"Не уходи! Ведь я люблю тебя..."--
и, как последний луч,
вдали потом растает...

* *

Уже не будет нас.
Но в наших детях
и в наших внуках через много лет
останется и будет жить на свете
любви и ласки животворный свет.

И сами мы не думая об этом,
несем в себе большой любви заряд
от тех, забытых, бабушек и дедов,
нас полюбивших много лет назад.

НА УЛИЦЕ

Улюлюкали вслед
и свистели.

А девчонки так гордо прошли,
словно грубостью их не задели,
души пошлостью не обожгли.

Не узнаю, как было им после.

Но, бессильный пред стаей волчат,
задрожал я от гнева и злости,
ощущая:

и я -- виноват.

Среди многих житейских изъязнов --
каждый нынче на хамство мастак! --
а теперешние д'Артаньяны
лишены, к сожалению, шпаг.

* *

Над сквером песня соловья:
вновь о любви поет,
не ленится...
Мои мальчишки-сыновья
кричат, что никогда не женятся.
Погромче -- младший.
Старший же
кричит потише, неуверенно:
пробились усики уже,
и девочки звонят...
Наверное,
еще годок,
еще другой --
наступит головокружение.
На этот скверик городской --
на островок среди движения --
не досмотрев однажды сны,
он прибежит в волненье странном,
чтоб слушать песенки весны
и думать о своем,
о тайном.

В МАГАЗИНЕ

Вдруг от тебя,
такой же молодой,
какую встретил юношей когда-то,
я услышал:
" Жаль,
этот цвет не мой,
я для него, пожалуй, старовата..."
Ах, черт!
О чем ты думаешь, о чем?!
А, может, я чего-то не заметил?
Нет, ты все та же.
Возраст ни при чем.
Твой взгляд доверчив,
радостен и светл,
душа твоя, как раньше,
молода,
попрежнему в твоих глазах
веселье...
Не надо,
не считай свои года:
ты остаешься
звонкой и весенней!

* *

По незаметным тропинкам
годы наши ушли.
Вот паутинки -- морщинки
около глаз легли.

Но ни тоски, ни смятенья
нет на душе моей:
любимой глаза осенние
подснежников синих синей.

У Т Р О

Pume

Когда в рассветный час,
как сон, сползает мгла,
бессильна сон-трава
в лугах принаровичанских:
коснулся луч воды --
и Нарочь ожила,
и вспыхнула вода,
и закружились краски.
Любимая, проснись!
Увидишь ли во сне
рождение цветов
и радуги рожденье?
Услышишь ли во сне,
как там,
в голубизне,
поет малыш-рассвет,
и сладко это пенье?
Июльская заря
щедрa и весела.
Я верю:
хорошо все, что приходит с нею.
Когда в рассветный час,
как сон сползает мгла,
люблю еще сильнее
и жить хочу сильнее.

* *

А снег все падает и падает.
Его густая пелена
сплелась, как сеть, вокруг меня,
но не гнетет,
а только радует.
Весь город снегом обновлен,
холодным душем наслаждается,
как будто заново рождается
в неярком свете полдня он.
Все первозданно в этот час:
и снег, упавший мне на плечи,
и ты, идущая навстречу,
и сеть,
опутавшая нас.

* *

Ничего друзья не понимают,
Улыбаясь говорят:
 -- Бывает!
Говорят:
 -- Кончай!..
А я молчу.
Пусть она меня не замечает,
На любовь мою не отвечает,--
Будь, что будет!
Одного хочу:
Иногда проснуться на рассвете,
Выйти в город
 и случайно встретить.
-- Добрый день! --
 негромко ей сказать...
Даже если снова не ответит,
Все равно:
 раз есть она на свете,
Значит буду
 новой встречи ждать!

* *

Взял ветку -- и рисую на снегу
(Хоть рисовать совсем я не могу)
Дом,
 две трубы
 и белый дым из них,
И два окошка маленьких твоих.

На окнах -- белоснежный тюль гардин...
Стою у дома твоего один.
Так выгляни на несколько минут,
Пока метели
 дом не заметут,
Пока на быстрых лыжах по холмам
Не подойдет опять разлука к нам,
Пока непроходимую стеной
Не ляжет снег
 между тобой и мной.

* *

А ты живи на свете много лет
И ветру смело подставляй лицо!
Увидишь:
 занимается рассвет,--
Считай, что это я прислал гонцов,
Считай, что эта синяя листва
И парк, умытый ливнями к утру,--
Те самые заветные слова,
Что живы, даже если я умру.
Считай, что эти росы на траве,
Собравшие все радуги земли,
И облака в бескрайней синеве,
И быстрые, как стрелы, журавли --
Все для тебя оставлено одной.
И ты живи на свете много лет,
И неразлучна будешь ты со мной...
Не верь, не верь,
 что правды в сказках нет!

* *

Я знаю:

 выросла сестренка
И что-то от меня таит.
То песни распевает звонко,
То вдруг таинственно молчит...

Не зря в подъезде полусонном,
Портфель к перилам прислоня,
Стоит парнишка.

 И смущенно
При встречах смотрит на меня.

А кажется, совсем недавно
Сестру я в школу отводил
И, как парнишка этот славный,
К подъезду молча подходил
И чью-то ожидал сестренку...

Как быстро, время,
 ты летишь!
За вереницей весен звонких
Твоих шагов не углядишь.

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

"Не любит..."

Опустились руки,
Как два надломленных крыла.

Ушли друзья,

Ушли подруги,

А следом --

 молодость ушла.

По желобкам густых морщинок

Из темных глаз струится грусть.

Десяток книг,

Пяток пластинок...

А жизнь уходит.

Ну и пусть!

И отвергает все на свете.

Но сердцу

 больно иногда:

На улице играют дети --

Птенцы соседнего гнезда.

НО ТЫ НЕ ПРИВЫКАЙ

"Люблю!" -- скажу я сотню раз.
Но ты не привыкай, пожалуйста!
Да будет это слово радостью,
огромной радостью для нас!

"Люблю!" -- я тихо говорю.
Но ты не привыкай, любимая!
Пусть слово то неповторимое
подарит нам с тобой зарю,

пусть солнце превратит в луну,
луну -- в рассвет,
рассветы -- в полдни,
когда лицо в твои ладони,
счастливый,
молча окуну...

* *

Не смел никто другой
тебя заметить,
умчать тебя за россыпи дождей!
Я должен был тебя однажды встретить
и навсегда похитить у людей.

И встретил!
И похитил всем на зависть,
и берегу...
А дни стремглав летят,
и утро щедро мне приносит радость:
твою улыбку,
твой лукавый взгляд...

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Медовый месяц -- царство полумглы,
симфония ликующего света.
В нем незаметны острые углы,
а может, острых граней вовсе нету.
Еще ни скучных дел,
ни мелочей,
и будни -- праздник солнца и улыбки.
Медовый месяц -- голубой ручей,
в котором только золотые рыбки.
Но дни бегут.
Шумливою толпой
подходят к нам заботы,
мир объемля...
Я чувствую с печалью:
мы с тобой
тихонько опускаемся на землю.

В ТВОИХ РУКАХ

В твоих руках -- чарующая сила.
Так хорошо всегда с тобой мне было,
такие приходили к нам слова!
А за окном дожди к земле летели,
кружились тополиные метели.
(А может быть, кружилась голова?)

И руки нежно по плечам скользили...
Они меня над миром возносили --
и птицей я себе казался вдруг --
счастливой,
быстрой, неустанной птицей,
которая к судьбе своей стремится,
не замечая ни дождей,
ни вьюг...

Б У Д Ъ !

Будь, любовь, неотступной,
мучительной,
в бездну брось,
вознеси до туч,
животворной будь, ослепительной,
как весеннего солнца луч!

От рассвета и до заката
ты, любовь, не бросай меня,
сделай тело мое крылатым,
слову дай теплоту огня.

Будь слезами
и будь улыбкой,
ничего для меня не забудь,
дай находки и дай ошибки...
Что бы ни было --
слышишь? -- будь!

5. Ледник Моцарта

* *

Опять весенние рассветы
в пути далекие зовут.
И снова водопады где-то
в горах
сто звонких радуг льют.

Летит по склону ветер шалый,
туман холодный в клочья рвет.
Вершина
в белоснежной шали
нас вновь нетерпеливо ждет.

ЗАМЕРЗШИЕ ВОДОПАДЫ

Замерзшим слепком водопада --
льда кружевная колоннада
и зимняя та тишина,
когда вода угомонилась,
когда она под лед укрылась
и нам отныне не слышна.

А мы врубаемся со звоном
в лед переполненный озоном --
и дышим, дышим горячо!
Наш путь -- вверх по водопаду.
А где-то рядом, где-то рядом
есть друга теплое плечо.

ВЕЧЕРОМ

Уходит день, сгорая понемногу.
Еще мгновенье -- унесет закат
размытую потоками дорогу,
не пробужденный маем старый сад.
Расстают с ними вековые башни --
угрюмая охрана черных гор...
День нынешний становится вчерашним,
свет солнца превращается в костер.

СТЕПЬ

На двугорбой спине
заходящее солнце уселось.
Я подумал:
ему покататься сейчас захотелось,
к жесткой шерсти верблюда
на миг прикоснуться лучами
и на долгую ночь
распрощаться с родными степями.
Потемнело,
Луна задержалась сегодня надолго,
Млечный Путь протекал,
бесконечный и близкий,
как Волга.
Звезды падали в степь,
невесомы,
как сказка,
как чудо.
И холмами в степи
до рассвета
дремали верблюды.

РЕКА ПТИЧЬ

Там, где солнце спать в траву ложится,
где бежит за ветром вслед пшеница,
где все аисты -- наперечет,
где чернеют плоскодонок днища,
где рыжеют на закате крыши,--
речка Птичь

неслышно вдаль течет.

Убаюкает меня журчаньем,
сказки мне наговорит ночами
и луну покажет в глубине.

А когда я встану утром ранним,
вдруг обнимет ласковым молчаньем
или песней прилетит ко мне.

В день весенний,
солнечный и звонкий,
шаловливым кажется ребенком,
в день весенний
неподвижна Птичь.

Не спешит от деревень, от поля,
высоко над ней плывет на волю
птиц разлучный и тревожный клич.
Речка Птичь...

Блеск темных вод...

Туманы...

Первый снег, упавший на поляну,
оттеняет черноту воды.

Речка Птичь...

Ты от меня так близко.

Неразлучен я с тобой и в Минске
посреди зимы и суеты.

ТУРЬЕ ОЗЕРО

Голубое Турье озеро
к снегу чистому прижалось.
Что всегда меня тревожило --
далеко внизу осталось.
Ни печали,
ни волнения --
только горы,
только солнышко,
только воды без движения
в чаше каменной,
на доньшке.

Голубое Турье озеро --
свет таинственной кометы.
Может быть,
еще не поздно мне
отыскать на все ответы?
Или все вопросы выбросить
в синий омут --
и у солнышка
жизнь счастливейшую выпросить,
чтоб испить ее
до доньшка?..

ГОРА "САХАРНАЯ"

Вздымается над палатками
белым конусом
"Сахарная" --
неласковая,
несладкая,
лавинами перепаханная.
Солнце лучами плавится,
звезды на льду зажигаются,
тучи за край цепляются --
грозами вниз срываются.
Неласковая,
несладкая...
А нам -- как звезда желанная,
когда под камнями шаткими
ведет нас
тропа туманная.
Когда мы проходим связками
стены ее ледяные --
осыплет нас всеми красками:
от белой до темно-синей.
И песнями сердце наполнится,
когда предвершинный гребень
придвинет к нам близко солнце
и очень синее небо.
А ветер
и злится,
и ахает...
От нашего пота соленая,
в бездну срывается "Сахарная"
крутыми белыми склонами.

С О В Е Т

Мне горец говорил:
"Будь прям, сынок!
Тогда -- не бойся никакой измены!
Прямую палку урони в поток --
и доплывет до моря
непрерывно.
Не страшен ей ни ветер,
ни бурун,
ни водопад, который в скалах бьется...
Кривая -- та за первый же валун
зацепится
и к берегу прибьется".

ПЕРЕВАЛЫ КАВКАЗА

Сосны,
вбитые в склон,
встретив грома раскаты,
взяли дождь на себя,
не пустили грозу
к перевалу,
где в братской могиле солдаты --
те, кого до сих пор
ждут с надеждой внизу.
Перевалы Кавказа.
Со льда поднимаю
ржавой смерти осколок --
зеленый металл.
В бесконечном молчанье
душой постигаю,
чем он был, перевал,
чем сегодня он стал:
не тропа
из долины в другую долину --
нить,
связавшая с прошлым
живые сердца.
Перевалы Кавказа.
Путь тяжелый и длинный.
Песня ветра летит и не знает конца.
Здесь, у самого неба,
на грани высокой
сосны,
вбитые в склон,
задержали грозу,
чтобы сон не спугнула
усталый,
глубокий:
спят солдаты,
которых ждут дома, внизу.

СКАЗКИ АРЧОВОГО ЛЕСА

Из канатов деревянных
туго свитые стволы --
хоровод чудовищ странных,
кем-то вызванных из мглы:
тут и ведьма,
тут и леший,
рядом -- великан и гном.
Для святых и самых грешных
этот лес --
родимый дом.
Вслед за нами
вверх по склону
вдоль тропы стволы бегут.
Смотрим, ахнув изумленно:
сказка там
и сказка тут!
Туго лесу достается:
ночью -- стужа,
днем -- жара.
Ветер бешенный несется
ночью -- вниз,
наверх -- с утра.
Но лавина не скосила,
не пугает ветра смех...

Жизни сказочная сила --
главная из сказок всех.

ЛЕДНИК МОЦАРТА

Снег засыпает трещины,
ветер шальной орет,
качает палатку бешено
целую ночь напролет.
И надо же было додуматься
какому-то чудаку
теплое имя Моцарта
горному дать леднику!

...На гребне хребта утром
солнце заслон прорвало --
и тысячи радуг будто
оно по льдам разбросало.
Горы искрились и пели.
На льду ручейки рождались,
и на перекатах звенели
и вниз рекой устремлялись.

Музыка радуг на льдинах,
музыка звонкой воды.
Теплую музыку Моцарта
запели горные льды.

ГИТАРА УМОЛКЛА

*Светлой памяти Арика Крупна,
Володи Скакуна и других ребят,
погибших в Саянах.*

Гитара звенела. Стучали колеса.
Бежали деревья за поездом вслед.
Летела поземка по белым откосам,
и лес по макушку был снегом одет.
Гитара звенела. Все ближе Саяны:
на снежных вершинах -- неяркий рассвет.
Там кедры, качаясь, шумят неустанно,
пурга заметает проложенный след.
Есть счастье дороги.
Есть горечь дороги.
Любимых глаза уплывают в туман.
А ящик почтовый висит на пороге,
пустой, как скорлупка,
слепой, как обман.
Саяны, Саяны, откройте ребятам
ущелья свои и свою красоту...
Упала гитара!
По склонам горбатым
лавины, как волки, бегут в пустоту.
Над белым безмолвием ночь зашаталась,
и день, задыхаясь, по склонам уполз.
Умолкла гитара.
А песня осталась!
И песне не страшен саянский мороз.
В той песне апрель нас за лыжи хватает,
зовут нас восходы из тесных квартир,
и звезды над лесом призывно мерцают,
и каждого ждет удивительный мир.
...В сугробах высоких лыжня затерялась,
поднялся над нею безмолвный восход...
Гитара умолкла.
А песня осталась!
А песня над нами призывом плывет.

* *

Здесь излома угольный фламастер
выписал над льдинами зигзаг.
Здесь холодный ветер, будто ястреб,
караулит твой неверный шаг.
Здесь на скалах чуть ослаб -- и горы
в миг единый справятся с тобой,
загудят, как бешенный прибой.
И тогда лишь друг -- твоя опора.
Почему о дружбе так боимся
говорить, смолкая каждый раз?
Словно перед другом мы стыдимся
слов высоких и красивых фраз.
Разве эта сдержанность мужская
помогает нам в нелегкий час,
в миг,
когда лавина льда, сверкая,
воздух, как сирена, рассекая,
с телом друга с кручи унеслась?

Г О Р Ы

Мир красок:

синий отблеск льда,
каменной зеленых ожерелье,
и белой лентою в ущелье
навек вкраплена вода.

Мир звуков:

ровный шум воды,
плач ветра, сжатого тесниной,
и с треском рушатся лавины
с вершин на камни и на льды.

Мир сказок:

границ хмурых скал
напоминают замков стены.
у камня -- необыкновенный,
почти драконовский оскал.

Блуждая у вершин седых,
находим радость мы и горе.
Вселенную вместили горы --
и мы за это любим их.

НА БЕРЕГАХ БАКСАНА

Мои адрес -- горы. Дом мой высоко:
его венчает белых туч корона.
Я от тебя уехал далеко --
за тысячи обветренных перронов.
Здесь лето очень жарким удалось,
здесь, словно домны, пышут жаром скалы.
На горных склонах солнце разлеглось,
и ледники горят в закатах алых.
Но в сумерках спускается туман,
все накрывает влажным одеялом.
И по ночам пытается Баксан
плотней прижаться к подогретым скалам.
Но холодно ему. И он дрожит,
и лязгает камнями, как зубами.
А наш костер страдает и шипит,
и соль тумана лижет языками.
Я согреваюсь около огня
и напеваю песню потихоньку,
и синими глазами на меня
все время смотрит милая девчонка.
В ее глазах играют сто чертей...
Но только одного она не знает:
за тысячи перронов и дождей
меня любовь к тебе лишь возвращает.

* *

Баксан ущелья гулким ревом будит,
кипит, кидает пену на гранит
и торопливо что-то говорит,
но эту речь не понимают люди.

А я к нему прислушался -- и вот
я понял, что река тоскует страстно
по леднику, который в небе ясном,
как облако далекое, плывет.

Река ныряет в темные колодцы
и гневно к небу брызгами летит,
чтобы водой своей залить зенит
и погасить безжалостное солнце.

Я засмеялся: гнев туманит нас.
И я сказал реке: "Не злись напрасно!
Когда бы солнце навсегда погасло --
и ты, река, исчезла б в тот же час".

РАССВЕТ

Вот и рассвет.
Сильна его рука:
она с вершин срывает облака.
Мрак рвется на куски и опадает,
палатку ветер яростно шатает,
а камня индевелая щека
серебрянной чеканкою сверкает.

Вот и рассвет.
Ползет в ущелье ночь.
И ручеек, звеня, несется прочь,
и плеск воды, как колокольчик, звонок.
День быстро набирается силенок,
и солнце -- расшалившийся ребенок --
идет наверх,
на горный пик точь-в точь
и нам спешит своим теплом помочь.

Что говорить...
Прекрасней часа нет,
чем час, когда растаяли тревоги,
когда мы вновь готовимся в дорогу,
когда встает над скалами рассвет.

ИНГУРИ

Неугомонна Ингури.
Вода под скалами грохочет,
фосфоресцирует, хохочет --
и убегает в час зари
к чужому морю голубому.
Ей не вернуться в царство скал...

Я счастье вдалеке искал,
тоски не ведая по дому.
Но вот, на скалах отзвонев,
осилив сотни гроз палящих,
в дороге трудной намотавшись,
познать беду и боль успев,--
я знаю:
после всех тревог
есть удивительная радость --
преодолев свою усталость,
вернуться на родной порог.

БОЛЬШОЙ КАНЬОН

1.

Извечное сражение быстрых вод
в союзе с ветром
против скал гранитных.
И рушатся обвалом монолиты --
лишь вздрагивает хрупкий небосвод.
Минуты битвы сложатся в века,
века -- в тысячелетия.
Однажды
пик, что цеплял вершиной облака
и звал к себе мечтателей отважных,
исчезнет, станет грудой камней...
Но магма закипит в негодованье --
и задрожит планета.
И над ней
взойдет вершины новое сиянье
и снова человека позовет,
и человек призыву отзовется.
Большой Каньон --
сражение быстрых вод
со скалами, нагретыми на солнце.

2.

И чиста вода,
и ласкова --
так и гладит, так и нежится.
Возле камня звонко плещется,
убаюкивает сказками.
Свет -- форелями по доньшку,
солнце кружится над реками,
а поток клюет по зернышку,
рвет от камня по молекуле.

3.

Полутона отброшены куда-то:
Здесь зелень первозданно зелена,
не может чище быть голубизна,
прозрачнее вода на перекатах.
Полутонов и я лишаюсь сам,
как будто мир -- из самых чистых красок,
как будто он лишился всяких масок,
подвластный только синим небесам.
Отброшены и радости, и горечь,

я -- птица,
камень,
солнце и вода.
Не к этому ль стремился я всегда:
в природе раствориться, словно в море?
Но беспощаден и ко мне закон:
я только человек,
мне надо к людям.
Но я уйду.
И радостью мне будет,
что на планете есть Большой Каньон.

ЧАТЫР - ДАГ

Неторопок и труден шаг,
но вершина все ближе и ближе.
И возносит меня Чатыр-Даг
на покату ю крымскую крышу,
а к зениту, как кот на чердак,
пробирается шар ярко-рыжий.

Облака наплывают вдруг,
и в тумане земля исчезает.
Ничего не осталось вокруг,
только белые струйки сползают
и текут, как вода из рук...
Где земля?
Где же небо?
Не знаю...

Только чудится: здесь, на вершине,
на носках приподнявшись слегка,
я руками стряхну облака,--
небо станет безоблачно синим,
и земля -- как она далека! --
вдруг откроется солнечным ливням.

И, прозревший, увижу я вновь
акварельные крымские горы,
алых маков весеннюю кровь,
за Алуштой искристое море
и -- над Крымом -- родные просторы,
Беларусь -- мою жизнь и любовь.

ГОРНАЯ ТРОПИНКА

Тропинка горная -- погоня
за далью и за высотой.
Взбежав по осыпи крутой,
она в озерах синих тонет,
цепляется за ребра скал,
за берега речушки быстрой,
теряется во льдах искристых,
взбирается на перевал.
Ты хочешь отдохнуть...
Но там,
как за неожиданным поворотом,
другие дали и высоты
откроются твоим глазам.
И позовут тебя к себе...
И ты пойдешь на зов их властный,
в ладони собирая счастье,
рассыпанное
на тропе.

* *

Мы все стремимся к новым городам,
нас манят незнакомые нам страны.
Уходим мы в дорогу неустанно,
как будто счастье затерялось там:
в лесах,
 в морях,
 у горных скал отвестных,
среди облаков,
 на тропах тех планет...

Но вдруг
в знакомых звуках старой песни
и в пушкинской строке,
давно известной,
находим счастья негасимый свет.

МОИ ДРУЗЬЯ

Вокруг меня -- нетронутый простор.
Горят снега над чернотой обвалов.
Со мной живут
среди угрюмых гор
ребята из особо прочных сплавов:

особенная горная руда
особенная горная работа --
соединенье песен и труда,
сплав мужества,
 терпения и пота.

Друзей себе в горах я отыскал --
немногословных знатоков природы,
откованных на наковальне скал
ударами свинцовой непогоды.

Пусть ветер, пролетевший надо мной,
в слепом безумстве сотрясает горы --
с друзьями, как веревкой основной,
я связан жизнью,
 радостью и горем.

* *

Здесь скалы высятся над скалами,
исполосованы обвалами.
И кажется, что эти линии
оставили когтями длинными
доисторические чудища.
И вдруг себе ты сам почудишься
свидетелем далеких лет...
А горы смотрят настороженно --
быть может
им и впрямь положено
знать все,
чего на свете нет.

* *

Не думай плохо обо мне,
когда не будет писем,
когда в холодной тишине
тебя сожмет печаль.
Нет писем?
Значит снова я
в крутые горы вышел
и снова разлучила нас
нетронутая даль.

Нет перевалов иногда,
и нет тропы удобной,
нет почтальонов, лошадей,
и вертолетов нет --
есть только ледяной обрыв,
есть только дождь холодный
и в черном небе надо мной
вершины силуэт.

Ты в этот тихий поздний час
возьми конверт измятый,
достань знакомое письмо:
пусть строки говорят!
Прошу тебя, не замечай
почтовой старой даты,
а верь:
письмо к тебе пришло
всего лишь час назад.

* *

Готов в любой момент подняться,
уйти в дорогу налегке
Туда, где звезды серебрятся
в передрасветном далеке,
где стог чернеет над покосом,
как древний шлем богатыря,
где босиком по чистым росам
на небо шествует заря...

Как духовито пахнет сеном!
Как налилась под солнцем рожь!..

И вроде день обыкновенный,
Но до чего же он хорош!

* *

Гроза сегодня изломала
Сто молний о крутые скалы.
И, облака сшибая влет,
Из всех стволов стреляла ночью,
Разорвала все небо в клочья
И с маху бросила на лед.

Гудели скалы, словно трубы.
Убрав подальше ледорубы,
Мы вверх смотрели, не дыша.
И, позабыв свою усталость,
Грозой невольно любовались:
И в самом деле -- хороша!

А молнии по льду катались
И звонко в трещинах ломались,
И снова били скалам в грудь...
Но вот по склонам незаметно
Рассвет поднялся ранний, летний,
И ветер начал резко дуть.

И в небе сразу стало чисто:
Гроза в рюкзак сложила искры,
Ушла за перевал Бечо.
К вершинам солнце поднималось,
За скалы мокрые цеплялось
И обжигало горячо.

АЛЛОУДИНСКИЕ ОЗЕРА

Рассвет уже туманил горы,
Когда впервые с высоты
Нам вдруг открылись как цветы,
Аллоудинские озера.

Жаль, что отсутствуют слова,
В которых оживают краски.
Менялся синий цвет на красный,
И желтый проступал едва.

И мы внезапно онемели,
Хоть много видели чудес:
Казалось, радуги с небес
На эту красоту слетели.

Хотелось мне в ладони взять
Аллоудинские озера,
Нести к друзьям их через горы
И ничего не расплескать.

* *

Несет прохладу голубой поток,
Уже темно в ущелье Сарымата.
Последний отблеск южного заката
Вершины белоснежные поджог.

Они горят бездымно и неярко,
И, как вода, их заливают мгла,
А костерок, что ночь нам принесла,
В обветренные лица дышит жарко.

Ушла усталость.

Песни мы поем.

И Сарымат нам вдохновенно вторит,
И ласковыми кажутся нам горы...
Но как они нас вымотали днем!

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

Кошачий лаз, наверно, шире,
Чем этот бесконечный ход,
Которым ты часа четыре
Без отдыха ползешь вперед.
В подземных залах грановитых,
При ярком свете фонаря,
Тебе сигналият сталактиты,
Во тьме ракетами горя.
Луч пробежит по скользким стенам
И вдруг погаснет.

И тогда

Тебя окутает мгновенно
Плащом холодным темнота.
Тебе захочется до боли
Наверх,--

где шумно и светло:

Пройти по узкой стезжке в поле,
Нырнуть в озерное стекло,
И под листвою шелестящей
Готовить на костре обед...

Но тьму опять прожег слепящий,
Ведущий за собою свет.
И ты по лазу осторожно
Ползешь в чернеющий провал,
И шнур капроновый надежно
Тебя с товарищем связал...

КАРТИНКИ ГОДА

ЯНВАРЬ

Удар мороза --
лес попал в нокаут.
Но подо льдом ручей-малыш поет,
и в полночь звезды льдинками сверкают,
а в полдень --
звездами сверкает лед.

ФЕВРАЛЬ

Лютуют вьюги.
Носятся ночами.
Пугают нас.
Но выбьются из сил --
надеждой разливается над нами
бескрайняя ликующая синь.

МАРТ

Расчерчен лес тенями голубыми,
сползает снег с лужаек и холмов,
а ветер шепчет голоса любимых
для всех,
кто в шепот вслушаться готов.

АПРЕЛЬ

Ржой изъедена насквозь
кольчуга льда,
сброшен в речку беззаботно
снежный свитер:
словно короля,
встречает лес дрозда,
шлет ему подснежники,
как свиту.

МАЙ

Хвастлив.
Имеет сил избыток.
Играет ими неустанно.
Он весь, как солнечный напиток,
разлит по чашечкам тюльпанов.

ИЮНЬ

На зорьке веселой
здесь рядом видны,
склоняются в полночь над речкой неслышно
и белая лилия юной луны,
и спелого солнца веселая вишня.

ИЮЛЬ

Такие ночи светлые
настали над лугами,
что спят ромашки белые
с открытыми глазами.

АВГУСТ

На август трудились все месяцы года.
Он платит за труд урожаем богатым,
веселыми росами,
доброй погодой,
Созвездьями спелыми,
песней крылатой.

СЕНТЯБРЬ

Леса червонцами швыряться стали,
таскают дуб
за пышный чуб
ветра,
и любопытные грибы привстали:
о чем же листья шепчутся с утра?

ОКТЯБРЬ

Клич журавлей...
Их вечный зов
летит как звон колоколов,
зовет всю жизнь начать с азов,
на части память расколов...

НОЯБРЬ

Воспоминание о лете
под мокрым снегом ноября
нам неожиданно засветит,
как долгожданная заря.

ДЕКАБРЬ

Нам снежные иголки
не в силах помешать
у новогодней елки
о будущем мечтать.

В НАЧАЛЕ ТАЯНИЯ СНЕГОВ

Снег, как полиэтиленовая пленка,
на луга еще натянут тонко.
Но щетинки прошлогодних трав
протыкают пленку непрерывно
и рыжеют весело и странно,
холод марта с радостью поправ.
Вся земля сверкает, как теплица...
Поспешим сверканьем насладиться!
И в несмелом мартовском тепле,
как росток,
проклюнется,
воскреснет
новая ликующая песня --
нам теплее станет на земле!

* *

Заката догорел костер.
И ночь прошла.
И день явился:
лугов, полей, лесов простор,
как фотоснимок,
проявился.
Все четче поле, луг и лес --
рассвет встает неумолимо.
Холодная зола небес
бесшумно пролетает мимо.
И набежавший ветерок
с веселой силой раздувает
востока жаркий уголек --
вновь небо вспыхнуть обещает!
Как раскалилось,
как пошло
по краешку играть огнями!
Тропы заветное тепло
с рассвета снова правит нами.
Идем, участники игры,
по нежной акварели лета,
душой -- на стороне зари
в извечной сшибке
тьмы и света.

* *

Бог лесов был талантлив чертовски:
что прекрасней пейзажей лесных,
сотворенных из красок неброских
и веселых теней голубых?!

Ветер дунет -- зеленые волны
вдоль опушек и просек бегут...
Синегазый бог неба дополнил
краски
 солнечностью
 там и тут...

М Е С Т И Я

Ворчливый и умелый ювелир,
Ингури дарит блеск
камням прибрежным,
то злобно проклиная целый мир,
то башням песни напевая нежно.

А башни греют старые бока
и черные зияющие раны...
Над Местией гуляют облака,
как в небеса забредшие бараны.

БАШНИ ВЕРХНЕЙ БАЛКАРИИ

В полночь и в полдень -- лишь тишина
хозяйка старинной башни.
Башня над кручей горбата, черна,
как ведьма.
А нам -- не страшно!
Немощным стал вражды ураган,
когда-то кусавший сердито...

Утром примчался сюда мальчуган,
быстрый и деловитый.
На башню с минуту глядел --
и уже
влез по стене так шустро,
что где-то вверху,
на пустом этаже,
качнулось солнце, как люстра.
И камни под теплые пятки, смотрю,
подставила башня с любовью --
та башня,
где в прошлом часто зарю
окрашивали лишь кровью.
Вот мальчика, словно цветок, она
бережно держит на крыше,
откуда и звонкая даль видна
и небо -- небес всех выше.
Вершины-фрегаты
бесшумно скользят
по синему морю неба...
Эх, лет на сорок вернуться б назад,
сделаться мальчиком мне бы,
чтоб пятками весело бить по стене
и долгими быть часами
с горами и небом -- наедине,
накоротке с веками!

ЛУННАЯ НОЧЬ В ГОРАХ

Снуют-летят вокруг
волшебные крючки:
серебрянную сеть
сплетают светлячки.

Серебрянно-седой,
лес замер до утра,
и озеро блестит,
как слиток серебра.

А около луны
сверкают серебром
вершины острых гор,
окованные льдом.

ПАМЯТЬ

Там, в небесной печи,
кочергою работает кто-то:
вспышки дальних зарниц
над хребтами сверкают вдали.
Может снова ведет
Бой тяжелый стрелковая рота,
чтоб на юг егеря " Эдельвейса"
пройти не смогли.
Вырытая из темени
льды и нависшие скалы,
обелиск у тропы
озаряет небесный огонь.
И нелегкая память
на души ложится обвалом --
так лавины рождаются,
камешек малый лишь тронь.
Встал Кавказский хребет,
задержавший тяжелые тучи
и штыками вершин
разметавший ненастья напор.
Обелиск у тропы -- как осколок у сердца колючий:
лишь увидел его,
защемило у сердца с тех пор.
Не прошли егеря!
Полегла и пехотная рота.
А тревога жива.
Стоит только увидеть с земли,
Как в небесной печи кочергою ворочает кто-то,
и бесшумные вспышки
бегут над хребтами вдали.

В ГОРАХ

У края,
залитого солнцем,
над пропастью,
как над колодцем,
стал тонконогий стригунок
и смотрит вниз --
в ущелье, что ли?...
И так он мал, так одинок
на фоне горного раздолья,
что стало страшно:
вдруг шагнет --
и рухнет вниз,
и пропадет?!
Но тут, откуда ни возьмись,
заржав тревожно
(" Не сорвись!..." --
то ржанье верно означало,
по крайней мере, так звучало...)
к нему примчалась кобылица.
И не могли мы надивиться,
как осторожно стригунка
мать от обрыва отводила,
как тяжело переводила
дыханье:
белые бока
ходили часто и устало...
Бежал беспечно стригунок,
мать ласково и тихо ржала.
Как ярко-рыжий уголек,
на склоне солнце догорало.
Катилось эхо далеко.
Все было просто и легко.

* *

Горы выгнули длинную спину:
греет старые кости хребет.
Солнце ягодой спелой малины
прокатилось --
и вмиг его нет.
Тенью гор нас врасплох захватило:
накатил на тропу холодок,
возле нас ветерком закрутило
сдутый с гор серебристый снежок.
Сквозь шиповник продравшись колючий,
что не сдался теням и снегам,
шла тропа моя выше и круче
к очень близким уже ледникам.
Небо синим кристалом светилось,
стало тихо в предчувствии сна...
Желтой сливой наверх прокатилась
из ущелья по склону луна.

ОЗЕРО ДОЛОМИТЫ

От глаз людских надежно скрыто
стенной крутых и грозных гор,
под перевалом Доломиты
есть озеро.

И с давних пор
в него лишь облако глядится
да глыба льда,
да черный пик.

Сюда не долетает птица,
зато летает ветра крик.
Вдруг выпрыгнет форель, играясь...
Растает облако, как дым.

На ледорубы опираясь,
мы зачарованно стоим.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Прижавшись к молодой луне,
Заснуло облако над Минском,
И голос тепловоза низкий
Был лишним в летней тишине.

Как перед каждой из разлук,
В глазах увидел блеск тревожный,
И показалось невозможным
Уйти от глаз твоих,
от рук...

Пора привыкнуть:
столько раз
Я эту начинал дорогу.
И вовсе ни к чему тревога,--
Скажи мне только:
-- В добрый час!

Но я волнуюсь все равно,
Когда над площадью вокзальной
Плывет в ночи дымок прощальный
И ветер странствий бьет в окно!..

* *

Напелось, нагулялось лето всласть.
Пришла пора задумчивости тихой,
и осень -- пожилая щеголиха --
одеждой золотой обзавелась.

Она идет, роняя на ходу
то веер -- лист,
то золотую брошку...

И водит память нас одной дорожкой
в пустынном засыпающем саду.

НА ГАЙНЕ

На Логойщине,
где Гайна
звезды майские качает,
где в черемуху ночами
льются трели соловья, --
что-то давнее, родное
на тропе меня встречает:
то ли детство,
то ли юность,
то ли молодость моя.
Гайна -- тихая речушка,
Гайна -- лунная дорожка.
Утром -- розовая лента,
днем -- хрустальная вода.
На волне воспоминаний
покачай меня немножко,
повтори мои рассветы,
возврати мои года!
Как колеса мельниц,
тихо
 дни вращаются -- и капли
падают в мои ладони,
обжигая и звеня.
Гайна.
Чистая криница.
Майский луг.
Две белых цапли.
Деревушка.
Дорогая
Родина вокруг меня.

* *

Геологи твердят:
" Мильоны лет!"

А я смотрю на утренние горы,
и думаю:
" Как молод этот свет,
и как мне будет жаль
уйти так скоро..."

Оглавление.

* * Вглядеться снова	2
1. Как же молод седой этот мир !	
Апрель	4
Счастье	5
Малиновое лето	6
* * Я усвоил от самой зыбки	7
* * Сено сохнет -- будто седеет	8
* * Гречиха зацвела	9
Янтарь	11
Вопросы	12
Концерт колоколов в каунасе	13
* * Извечная смена сезонов	14
* * Еще без перьев	15
У колодца	16
* * Шевеля прошлогодние листья	17
* * И сам я в беззаботной юности	18
Понедельник	19
* * Наступит день	20
* * Вот Рембрандт умирает бедняком ...	21
* * И камнем стать не страшно	22
* * А годы похожи на горы	23
Огни аэродрома	24
Бессмертие	25
Не обращаю во зло	26
* * Есть удивительное чувство	27
У " Троицы " Рублева	28
* * Старайтесь по мере таланта	29
* * Со дна своих печалей и трагедий ..	30
* * Во мне сплелись	31
Павлиний успех	32
Как скромны наши матери	33
* * Какой бы ни была	34
* * Снег мой близок	35
* * Все мимолетно	36
* * К земле годами чуть прижаты	37
* * И в белых и в розовых	38
* * Что будет впереди	39
Семикласницы	40
* * Перепачканные песком	41
* * Так много звеньев потерялось	42
* * Свойство юных	43
Осень жизни	44
* * И в тридцатых	45
* * Истории такой	46
* * Человек, которого он предал	47

Читая "Реквием" Ахматовой	48
" Память"	49
Идеалисты и следователь Хват	51
* * С храма, вознесенного во имя	52
Боли	53
Сорок пять	54
* * Я знаю, какие сверхсилы	55
* * Говорю, как говорили в старину ...	56
* * В нашем хоре	57
Каменные бабы	58
* * Пустыня	59
Решетки Ленинграда	60
У " Портрета мальчика"	61
Семейные альбомы	62
* * Так просто	64
* * Стеклом увеличительным	65
Встреча	66
Первый снег	67
* * Антоновка к зиме совсем доспела ..	68
* * Кувыркнусь через голову в снег ...	69
* * Запас отпущенных мне весен	70
* * Мы все не вечны на земле	71

2. Акварели

Акварели	73
* * Занятый работой	74
Край хвойной красоты	75
* * Уселся март, как грач	76
* * Шагай от электрички вправо	77
Звон	78
* * Мечутся реки	79
* * Когда цветут и вишни и черешни ...	80
* * Когда поймешь	81
* * Как опара свежего замеса	82
* * Зеленотканые луга	83
* * Был такой обычай	84
* * Все дорогое сохраняю в целости ...	85
* * Час предвечерний на краю села	86
Плес	87
* * Желтых, красных, голубых	88
Горькушки	89
Осень	91
* * Вот снова осень за окном	92
Туман	93
* * В последних днях перед зимой	94
Предзимье	95
* * Снежинок удивительные танцы	96
* * В первоначальный миг	97
* * Часто, гонясь по свету	98

* * Пойдем ли все	99
* * Как жили	100
Уголок старого Минска	101
Грузинская чеканка	103
* * Нет доли больше на свете	104
* * Вечными заверчены делами	105
Липень	106
* * На непромерянных снегах	107
* * Пока существует незримая связь ...	108
* * Сквозь многое проходят люди	109
* * Много ли	110

3. Воспоминания о детстве

* * Иногда мне кажется	112
Детство	113
Мед	114
Наводнение	116
Похоронный лист	117
Картошка	118
Нелло	119
ОРС	120
Сказка	122
Уроки географии	123
" Темная ночь..."	124
Толкучка	125
Ирка	127
* * Когда над детством	129
* * Уходят в небытие	130
Береза у школы	131
* * Когда осенний лист багровый	133
Воспоминание	134
Урок	135
* * Казалось, нет места живого	136
Послевоенное чтение	137
Пулково	138
* * В тылу	139
После войны	140
Дядя Гриша	142
После спектакля	144
На Березине	145
Сушки	146
Ковры	149
Цирк	151
Люблю, когда мама поет	152
Воспоминания у Мохова переезда	153
Хатынь	154
Баллада о марухском перевале	156
Раубичи	158
* * Что ни деревня	159

* * Перемолотая	160
Надпись на стене	161
* * Угольком, присыпанным золой	166

4. Дождя счастливого мгновенье

* * И станет слово откровеньем	168
Юность	169
* * За радугу	170
* * Признаюсь тебе	171
* * Теченье дней моих	172
* * Держу твои руки	173
Что обещает зима?	174
* * У счастливой любви	175
Снежно	176
* * А свечи тоненьких берез	177
* * На Шорной улице весна звенела	178
* * Вересковый свет тугой	179
Золотой венок	180
Просьба	181
Неумеха	182
* * В сырой и горький молочай	183
* * Нас сравняли пути	184
* * У твоего высокого порога	185
Она и я	186
* * Вот и ты покатила-поехала	188
* * Будто быстрый табун	189
Любовь	190
* * Когда придет пора итоги подводить	191
* * Уже не будет нас	192
На улице	193
* * Над сквером песня соловья	194
В магазине	195
* * По незаметным тропинкам	196
Утро	197
* * А снег все падает и падает	198
* * Ничего друзья не понимают	199
* * Взял ветку и рисую нга снегу	200
* * А ты живи на свете много лет	201
* * Я знаю	202
Одинокая женщина	203
Но ты не привыкай	204
* * Не смел никто другой	205
Медовый месяц	206
В твоих руках	207
Будь!	208

5. Ледник Моцарта

* * Опять весенние рассветы	210
Замерзшие водопады	211

Вечером	212
Степь	213
Река Птичь	214
Турье озеро	215
Гора " Сахарная "	216
Совет	217
Перевалы Кавказа	218
Сказки арчового леса	219
Ледник Моцарта	220
Гитара умолкла	221
Горы	223
На берегах Баксана	224
* * Баксан ущелья гулким ревом будит .	225
Рассвет	226
Ингури	227
Большой Каньон	228
Чатыр-даг	230
Горная тропинка	231
* * Мы все стремимся к новым городам .	232
Мои друзья	233
* * Здесь скалы высятся над скалами ..	234
* * Не думай плохо обо мне	235
* * Готов в любой момент подняться ...	236
* * Гроза сегодня изломала	237
Аллоудинские озера	238
* * Несет прохладу голубой поток	239
Подземное царство	240
* * Охотно в давлнюю дорогу	241
Картинки года	242
В начале таянья снегов	245
* * Заката догорел костер	246
* * Бог лесов	247
Местия	248
Башни Верхней Балкарии	249
Лунная ночь в горах	250
Память	251
В горах	252
* * Горы выгнули длинную спину	253
Озеро Доломиты	254
Перед дорогой	255
* * Напелось, нагулялось лето всласть	256
На Гайне	257
* * Геологи твердят	258